

попаданец

ПОПАДАНЕЦ

Алексей Янов

СМОЛЕНСКАЯ РУСЬ
ЭКСПАНСИЯ

Попаданец (АСТ)

Алексей Янов

Смоленская Русь. Экспансия

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Янов А. Л.

Смоленская Русь. Экспансия / А. Л. Янов — «Издательство АСТ», 2022 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-152815-7

Владимиру в новом для себя статусе князя-наместника после отъезда отца на войну за великокняжеский Киевский престол за полгода пришлось пройти тяжёлые испытания. Родной дядька, дорогобужский удельный князь, инициировал в Смоленске мятеж, что был сокрушен Владимиром силой оружия его новых пехотных полков. Потопленный в крови бунт и смерть отца в сдавшемся ему не без помощи половцев хана Котяна Киеве открывают для Владимира новые горизонты...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-152815-7

© Янов А. Л., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Леонидович Янов

Смоленская Русь. Экспансия

© Алексей Янов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

После отъезда Изяслава Мстиславича «в отпуск на юга» я, уже в новом статусе князя-наместника, был вынужден передислоцироваться на левый берег Днепра в Свирский терем. В Заднепровье, в моём тамошнем покинутом дворцово-производственном хозяйстве, поставил главным верного мне дядьку-пестуна Перемогу.

В первый же день, в то время, когда челядь перевозила с места на место сундуки и узлы с вещами, я вместе с небольшой кавалькадой конных разведчиков, приодетых по случаю в полные доспехи, проехался по улочкам Окольного города. Нужно было во всей красе показать себя свету.

Смоленск стал многолюден как, наверное, никогда прежде. Откуда и народу столько взялось? Горожане и приезжие бродили по улицам толпами. Серо-чёрная людская масса разбавлялась изредка нарядными шубами вельмож. Вместе с тем из-за срочного отъезда князя с большей частью дружины чувствовалось, что обстановка в городе нервная и несколько напряжённая.

Тем не менее торговля, получившая от меня живительный пинок в виде латунных монет и новых товаров, процветала. Торговые ряды, засыпаемые охалками снега, по-прежнему, словно и нет зимы, ломились от всякой всячины, к которой добавилась убоина.

Меня приостановила группка молодых боярских дочерей, о чём-то щебечущих у распахнутых ворот боярских хоромов. Они были в дорогих парчовых одеждах, подбитых мехом, и в синих шапочках с меховой опушкой. С раскрасневшимися то ли от холода, то ли от смущения лицами девчата у меня поинтересовались на предмет того, появлюсь ли я на гуляньях по случаю дня какой-то Катерины-санницы, покровительницы невест. В этот день, оказывается, принято гулять, гадать и кататься на санях. Ну его к лешему такие праздники, подумалось мне, не успеешь и глазом моргнуть, как оженят на ком-либо. Вежливо отказался, отмазка у меня железная появилась – я теперь был не каким-то княжичем, а целым «подручным» князем своего отца Изяслава Мстиславича, да к тому же ещё и его наместником. А вы мне тут, понимаете, предлагаете подростковые забавы!

Около полутора часов таким вот макаром неспешно курсировали по улицам города. Снегопад ещё больше усилился. Наконец, мы все, с ног до головы засыпанные снегом из-за разыгравшейся не на шутку вьюги, покинули Окольный город и въехали на территорию Свирского детинца.

На подворье помимо «радушных» цепных псов нас встречала суеязящаяся дворня, частично разбавленная моей заднепровской челядью, единственным желанием которой было угодить своему новому хозяину. Весь «трудовой коллектив» дружно падал в ноги, отказываясь самостоятельно подниматься, несмотря на мои настойчивые просьбы. Ну и так далее, всячески проявляя своё низкопоклонство.

Вечером того же дня в гриднице собрались представители главных боярских родов города. Практически все они были моими компаньонами, только вовлечённые в совместный наш с ними бизнес с разной степенью интенсивности. Но в Паевом торговом товариществе состояли все без исключения лично или через своих доверенных купцов. На эту встречу также заявили смоленский епископ вкупе с игуменами нескольких пригородных монастырей.

С отъездом князя охрана дворца поменялась, и теперь вельмож встречали расквартированные здесь бойцы первой роты первого батальона первого Смоленского полка. Размещались они здесь на ротационной основе. Через неделю их должны будут сменить бойцы того же батальона, но уже из второй роты и так далее. Первым батальоном командовал Улеб, он, соответственно, пробудет в этом дворце ровно три недели, а потом будет заменён комбатом-2. В Ильинском подворье на аналогичных условиях встала двадцать пятая рота девятого батальона

третьего Смоленского полка под началом комбата Твердилы. Хоть комбат-9 никогда не просыхал, но и на службу откровенно не забивал, делегировав большую часть своих служебных обязанностей своим ротным командирам.

Вельможи нескончаемой чередой заходили и рассаживались по лавкам, ждали моего появления. Я в это время в компании своих дворян находился в ныне опустевшей светлице князя.

Дворянам было объявлено о том, что я освобождаю их от ненужных мне должностей «меченош», «конюших» и прочих сомнительных «спальников». Охрана у меня теперь из пехотинцев, а поить-кормить-одевать меня и челядинцы смогут. Поэтому для них я придумал новые должности и иные места приложения их трудовых усилий.

Ещё раньше из состава моих дворян убыли спальник Корыть, подавшийся в науку, спальник Веруслав, возглавивший заводское правление и училище (ПТУ) при металлургическом заводе, четверо из пяти «пороховщиков» без остатка «растворились» в химических производствах, пятый, Нил, заделался математиком. Теперь же пришла пора и остальных, так и не подавшихся искушениям научно-преподавательской и естественно-испытательной деятельности, распределить по более вменяемым и понятным мне должностям.

– Все вы, друзья мои, с сего дня начнёте новую для себя службу! – начал я своё выступление. – Неволить никого не буду, но поработать некоторое время на новых должностях вам придётся! Потом тех из вас, кому новая служба не понравится, я переведу туда, куда вы сами того пожелаете, обещаю!

Дворяне были само внимание, все как один наострили уши и затаили дыхание.

– Ты, Борислав Немунич, больше не конюший! Отныне станешь моим управляющим и должен будешь создать новую организационную структуру – Управление при князе. Она в себя будет включать две отдельные службы: первая – Служба по делам князя (включающая штат моих личных помощников) и вторая – Служба охраны.

– Вот, держи, управляющий, – стоявшему на вытяжку по стойке смирно Бориславу я передал несколько исписанных мной листов бумаги. – Здесь я расписал тебе то, как мне видится функционирование этого твоего управления. Сразу хочу тебя успокоить, всё, что здесь мной написано, быстро на практике ты осуществить не сможешь. Поэтому поспешай не спеша и начни со службы моей охраны. Отныне тебя должны слушать и подчиняться всем твоим требованиям дежурные охранные роты в моих дворцах, а также их командиры, кто бы они ни были – от звеньевского до полковника. Очень важную и ответственную, Борислав, возлагаю на тебя задачу!

– Слушаюсь, княже! – Борислав, на манер моих пехотинцев, козырнул, поднеся свою пятерню к непокрытой голове. Ну, на эти мелкие условности я внимания не обращал, фуражки здесь ещё не в ходу.

– В штате твоего управления будет состоять мой личный секретарь с помощниками, точнее с будущими помощниками. Даю тебе, Борислав, на ознакомление с документами ровно сутки! Завтра в это же время доложишься, что тебе понятно, что нет. В чём смогу – помогу и подскажу.

– Всё ясно, Владимир Изяславич.

Борислав выглядел довольным донельзя, похоже, очень уж он впечатлился своей новой должностью.

– Николай Башмаков! – гаркнул я на примостившегося на краюшке лавки парня пятнадцати лет от роду. Тот вскочил, как ударенный током.

– Слушаю, Владимир Изяславич! – протараторил он, преданно, по-собачьи, поедая меня глазами.

– Чем последний месяц при мне занимался, то и будешь продолжать делать, но уже получая зарплату десять латунников в месяц!

Всегда живой и подвижный как ртуть Николка замер, как будто впал в каталептический ступор. Ещё бы, сын простого городского сапожника не только всегда будет при князе, что уже само по себе великая честь, но будет ещё и бешеные по нынешним временам деньги получать.

– Усади ты его, наконец, на лавку! – обратился я к стоявшему рядом Бориславу.

Но тут Николка сразу ожил и кинулся ко мне в ноги, благодарить своего благодетеля. Успокоился через минуту, когда его бывшие дворяне еле-еле отняли от моих сапог и, держа под мышки, посадили обратно на лавку. Когда все успокоились и умолкли, я продолжил.

– Следующий у нас по списку...

Спустя полчаса выдал всем сётрам по серьгам. Объявил также об учреждении ещё одного важнейшего ведомства – Главного военного управления (ГВУ), правда, с пока ещё вакантной должностью управляющего, но зато сразу с тремя службами: хозяйственной во главе с Братилю – сыном княжеского истопника, Особой военной службой (ОВС), верховодить которой теперь будет мой бывший спальник Тырий, Военно-технической службой (ВТС) под руководством бывшего меченоши Нерада.

К этим пока ещё эфемерным службам прилагались такие же существующие пока только на бумаге отделы: «военного строительства», «вооружений», «резервистов и призывников», «материального обеспечения (питание, вещевое довольствие)», «кадрово-аттестационный» – все входящие в структуру хозяйственной службы; «военной разведки и контрразведки», «специальных войск», «политический отдел» – все в составе Особой военной службы (ОВС); «оборонного заказа» и «технического контроля (проверки качества)» – в ведомстве военно-технической службы (ВТС).

Кроме того, всем службам в обязательном порядке были приданы финансово-кадровые отделы, их я поручил сформировать, а потом возглавить «математику» Нилу.

Остальных своих дворян – Люта, Усташа, Вертака и Вторижа, излишне боевитых и плохо подходящих для системной управленческой работы, – я отфутболил в гнёздовские полки. Там для них самое место! Им я выдал нашивки с буквами «ПП», что у меня означало помощник полковника, или подполковник, и направил их на помощь зашивающимся действующим полковникам, с обязанностями адъютантов-преподавателей. Дело в том, что мои полковники, бывшие княжеские десятники, всё ещё оставались малограмотными, и их следовало срочно подтянуть в этом направлении. Адъютантов-подполковников в конфиденциальной беседе я заверил, что эта их должность временная, максимум на год, а потом они сами смогут единолично возглавить батальоны и полки, чем их сильно обрадовал.

Несколько дней спустя наметил ещё две точки роста. Были созданы Военно-промышленное управление (ВПУ) под началом Веруслана. Он теперь стал у меня многостаночником, так как от работы в заводском правлении и в училище (ПТУ) я его не освобождал. Начальником химической службы при ВПУ стал главный гнёздовский химик Прибиш. Пороховой отдел при этой же службе возглавил «советник» Клепик Василь. Оружейную службу при ВПУ с отделами: «пушкарским», «ручного огнестрельного оружия», «корпусов гранат, мин, снарядов», «бронным», «холодного оружия» – возглавили мастера-пайщики СМЗ, при этом по-прежнему оставшись работать на действующих производствах.

Все эти новые структуры существовали пока неофициально, так как мной не было ни подписано, ни тем более обнародовано никаких нормативно-правовых актов, которые могли бы придать легальность новым учреждениям. ГВУ разместили в Гнёздово в одном из барачков, ВПУ – в пустующем амбаре при металлургическом заводе, а УПК были выделены комнаты во всех моих теремах. И заработали хоть как-то приемлемо все эти управления, службы и отделы тоже далеко не сразу – более или менее они «раскочегарились» спустя многие месяцы, после периода долгого и напряжённого, я бы даже сказал, кропотливого ковыряния в моих нервах. Но иного выхода нет: с тиунами и прочими огнищанами нам было не по пути!

А через неделю я вспомнил о здравоохранении, в приложении к санитарно-карантинным баракам, и организовал очередную «бумажную» службу на вырост: образования, книгопечатания, науки и здравоохранения, отдав её под патронаж «учёного-естествоиспытателя», бывшего спальника Корытя.

В этот вечер обстоятельно побеседовать с будущими управленцами и адъютантами не получилось. Неожиданно раздался деликатный стук в дверь. Получив разрешение, в дверной проём вошёл и сразу, как положено, вытянулся пехотинец с нашивками взводного на жёлтом поле сюрко. Это был молодой человек лет восемнадцати с гладко выбритым лицом. В отличие от княжеской дружины что-либо отращивать у себя на лице в пехотных войсках Устав разрешал только в званиях от ротного и выше, все остальные были вынуждены регулярно бриться, если, конечно, не хотели схлопотать наряды вне очереди. В походах это правило, конечно, так строго не соблюдалось.

– Княже! Разреши обратиться?

– Слушаю тебя, взводный.

– Бояре с попами все в сборе!

Стоило лишь войти в гридницу, как все бояре встали, приветствуя меня поклоном. Один лишь епископ продолжал как ни в чём не бывало восседать на своём обитом бархатом персональном кресле.

– Господа бояре! – поклонился на три стороны. – Рад вас всех видеть! – поздоровался сразу со всеми присутствующими.

– Здравствуй, святой отче, – в отдельном порядке подошёл и облобызал волосатую длань священника, за что, с плохо скрываемой неприязнью, был осенён крестным знамением.

«Недолго тебе кочевряться осталось, – думал я, рассматривая этого сноба в ризе, – дай мне только несколько месяцев подтянуть новое пополнение рекрутов, и потом при моём появлении ты на коленях будешь ползать!»

На большинство этих деятелей от церкви, погрязших в ростовщичестве, массово холопящих в своих монастырях православных людей, наплевав на все заповеди Божьи, я просто не мог спокойно смотреть. Потому как знал, что дальше будет ещё хуже: когда истерзанные усобицами русские земли обратятся в пепелища под копытами степной орды, эти деятели, получив от монголов налоговые преференции, с радостью провозгласят Батыя царём, а главного предателя Ярослава Всеволодича признают святым.

Я вернулся назад, плюхнувшись в своё кресло. Сидящие на лавках бояре притихли, выжидающе смотрели на меня. Алексей сидел, опершись обеими руками о посох, и в мою сторону даже не смотрел, игумены перебирали чётки и тоже помалкивали. Вероятно, открывать заседание придётся мне.

Откашлявшись, я начал свою речь:

– Я, как наместник нашего князя Изяслава Мстиславича, буду самостоятельно, точнее при помощи княжеских ключников, тиунов и огнищан, заведовать дворцовым хозяйством и всеми делами в княжеских уделах и волостях. Кроме того, готов вместе со смоленским тысяцким отвечать за оборону города, случись такая надобность, а за все остальные дела я не в ответе!

Бояре уже хотели было разродиться гулом, но я его успел перекрыть своими следующими словами.

– Не спешите, не совсем правильно я выразился! Остальные княжеские обязанности, как то формирование новых погостов, назначение судей, тиунов, таможенников в городах княжества и иные дела предлагаю передать Боярской думе. До чего вы на этой думе договоритесь большинством голосов, то я и завизирую. Но только при условии, если принятое решение меня будет устраивать, в противном случае ничего подписывать и скреплять печатями не буду! В таком случае будете дожидаться князя и уже с ним решать спорные вопросы. У меня много

других дел, а потому прошу вас меня избавить от всех этих мелочных вопросов. – Хотел ещё добавить незабвенные слова ЕБээНа «берите суверенитета столько, сколько хотите», но промолчал, всё равно не поймут.

Такая постановка вопроса боярам явно пришлась по душе. А я про себя лишь злорадно усмехался, думая о том, что пусть вельможи напоследок немножко потешатся, а мои управления, отделы и службы поднаберутся опыта, потом я их поменяю местами. Лояльных бояр инкорпорирую в свои новые властные структуры, а остальных или разгоню «по-хорошему», или же разметаю в клочья, но уже «по-плохому», время покажет. И тратить сейчас это время на пустые вопросы и разговоры с моей стороны было бы крайне недальновидно.

– Что вы, бояре, притихли? Или не хотите мне помогать?

Епископ стукнул посохом.

– Не пристало тебе, княже, дела так весть! Спокон веку иначе заведено, и не тебе всё переиначивать!

– Мудрые твои слова, святой отче! – я закивал головой. – Но только если с думцами буду каждый божий день заседать, то боюсь, что другие мои дела встанут.

– А нам какая печаль? – Алексей зловредно улыбнулся.

Тут большинство бояр вскочили и коршунами налетели на епископа, напрочь позабыв о его священном сане. Они несколько минут избличали епископа, поставившего под возможный удар их собственные шкурные интересы.

Наконец, искоса поглядывая на мою невозмутимую физиономию, бояре несколько успокоились, вновь рассевшись по своим местам.

– Владыко, я ведь думаю расширять производство парафиновых свечей, а заодно для матери нашей церкви цены на них снизить. Но если вам сии свечи не нужны, то...

Епископ сразу переменялся в лице.

– Потребны! – И даже пристукнул посохом. – Дело это богоугодное, и здесь ты прав, и мирские заботы тебя сильно не должны отвлекать!

– Ну вот, святой отче, и замечательно! Из числа бояр-думцев есть кто против Боярской думы? – Чтобы не разводиться дальнейшую демагогию я поставил вопрос ребром.

Как и следовало ожидать, возражающих не нашлось.

Потом вся эта честная компания со мной во главе переместилась в трапезную.

Ночное застолье я покинул в числе первых, наплевав на все условности. К моим экстравагантным поступкам и прочим не менее оригинальным делам местные уже давно привыкли, а потому никто не удивился такому поведению нового наместника.

Две служанки, воспользовавшись отсутствием беременной Инеи, не пойми как оказались в моей кровати и наотрез отказывалась её покидать. Впрочем, я настолько устал от переезда, что сил бороться с чем бы и кем бы то ни было совсем не осталось, ну, почти совсем...

* * *

Первая неделя моего наместничества прошла для меня очень тяжело. Бояре, по давно заведённой традиции, прибывали в терем с самого раннего утра. Приезжали они или в санных возках, или верхом на конях, сдавая свои «транспортные средства» своим же слугам, неотлучно сопровождающим хозяев. Слуги отводили боярских лошадей в пустующие княжеские конюшни, а сами шатались по подворью, точа лясы с моими челядинниками. Бояре же целенаправленно направлялись в терем, расплзаясь, как тараканы, по коридорам, гриднице и горницам. Если бы такой бардак творился на моём Ильинском подворье, то я бы точно не стал дожидаться лета, постарался бы прямо здесь и сейчас взять все бразды правления в городе в свои руки.

Из-за постоянного шума, издаваемого громогласными глотками бояр, терем превращался в филиал сумасшедшего дома. Происходящее запомнилось мне нескончаемым потоком разговоров, славословий, шумом и хмельным угаром. Ежедневно я вёл долгие муторные разговоры с городским нобилитетом. Приходилось игнорировать или пропускать мимо ушей раздающиеся с разных сторон тонкие намёки на толстые обстоятельства, не давая себя втравить во всякие мутные политические группировки. Адекватно со мной боярству можно было поговорить разве что по предпринимательским делам. Здесь я был дока, чувствуя себя как рыба в воде, и активно шёл на контакт.

Но всё-таки с горем пополам работа Боярской думы наладилась, и моё постоянное присутствие на этих сборищах уже не требовалось. У нас с боярами установился новый обычай. Думцы самостоятельно собирались в Свирском тереме через день и в моё отсутствие выносили свои предварительные решения по различным вопросам. А решались ими в основном дела, по моему разумению, не стоящие и выеденного яйца, особенно в свете того, что в будущем я собирался всё переиначить на свой лад. Поэтому ну какое мне, спрашивается, дело до земельных споров, расширения боярских наделов за счёт закабалённых жителей соседних свободных весей и тому подобной грызни. Вскоре всё это будет нивелировано, ну а если вдруг у меня ничего не получится, то история просто пойдёт по своему привычному пути, и станет неважно, превратилась ли вервь Гадюкино в боярское село в 1234 году, или это произойдёт спустя двадцать лет... двадцать лет – без разницы!

Оттого на земельные захваты боярами свободных общин я смотрел сквозь пальцы. Лишь бы только они поменьше меня донимали, давая возможность заниматься своим собственным производством. Микроскопическое уменьшение доходов казны из-за некоторого сокращения налогооблагаемой базы меня тоже трогало мало, так как мои доходы уже превышали все княжеские сборы вместе взятые. Поэтому, в отличие от прежнего прижимистого князя, боярам был очень выгоден такой щедрый наместник, без особых проблем и возражений удовлетворявший их земельные аппетиты. В общем, всё у нас с боярами вершилось к обоюдной выгоде сторон.

И теперь один раз в две недели я устраивал общий сбор думцев, где председательствовал и рассуживал все эти их «пленарные постановления», шлёпая печатью направо и налево. Все были счастливы!

И едва только наладив работу думцев, я тут же взялся за старое – принялся в ежедневном режиме навещать своё Заднепровское подворье, пропадая там днями напролёт. Больше некому было ограничивать моё времяпрепровождение на СМЗ. Мне было почти пятнадцать, что в глазах местной общественности означало полное совершеннолетие, особенно с учётом отъезда князя. Это событие автоматически повышало мой статус, превращающий меня в самостоятельную фигуру – князя в полном смысле этого слова. Этими обстоятельствами я и воспользовался на всю катушку, «зажигая» по полной на заводе.

За лето существенно расширили орудейный цех. Теперь он, по сути, превратился в отдельный завод со своими доменными и пудлинговыми печами. Модернизировали старые цеха. Теперь на СМЗ в общей сложности было четыре доменные печи.

К тому же теперь зима не была большой помехой. Воздушные двигатели с лихвой заменили бесполезные в стужу водяные колёса. Перевод на новую механическую тягу воздуховодов, молотов, а также реконструкция доменного и печного оборудования сталелитейного цехов заняли практически всю осень. Тем более что заготовленные запасы руды полностью исчерпались уже к концу лета. В пусконаладочных работах я принимал самое активное участие.

Сегодня, после технического перерыва, предстояло перезапустить доменный процесс на новой, модернизированной производственной базе. Благо, что и руды на складах удалось за осень поднакопить.

Утро выдалось морозным и ясным, но одновременно то ли с неба, то ли с деревьев сыпался совсем мелкий, редкий снежок. Будем считать это хорошей приметой.

Все главные действующие лица были в сборе. С моего одобрения мастер даёт отмашку – начинается загрузка угля. От угольного бункера и до домны выстраивается цепочка рабочих, и, передавая друг другу, по их рукам пошли полные ведёрки с углём. Угля загрузили в общей сложности почти тринадцать тонн. Вслед, аналогично углю, в печь посыпалась заранее размельчённая, обожжённая руда и прочие присадки.

Вот и всё, домна готова к задувке! Мастер даёт команду:

– Включаем воздуходувки!

Как всегда медленно, но уверенно набирая обороты, заработали воздушные двигатели, в другой истории известные как двигатели внешнего сгорания Стирлинга.

– Сопла открыть! – отдаётся очередная команда.

Рабочие-доменщики сноровисто вынимают задвижки и по соплам – трубам, с сильным шипением, в домну начинает поступать воздух. Он через клапан холодного дутья с резким шумом врывается в каупера. Задувка пошла! Температура начинает расти, через полчаса поступает новая команда:

– Открыть клапан горячего дутья!

От горячего воздуха домна вдруг тяжело и громко загудела. Из печи вырвалось облако угольной пыли, которое тут же сменяется сизым дымом над трубой. Плавка началась!

Постояв ещё немного, я удаляюсь в терем. До вечера ничего интересного тут не должно происходить. После первой рудной засыпки через каждые двадцать минут будут добавляться в печь новые порции угля, руды, известкового камня для флюса, а также несколько килограммов мелкого чугуна в крошках.

Во дворце время пролетело быстро. Поужинав, я вновь спешу на СМЗ, чтобы увидеть «файер-шоу».

Литейный двор заметно выделялся на общем фоне. Его интенсивно освещали пылающие повсюду костры. Ранние декабрьские сумерки заполошно метались, неизменно отступая под напором яркого пламени.

Немного припоздал. Из шлаковой лётки уже вытекал первый расплавленный, пышущий огнём шлак.

– Желоба подготовлены, скоро чугун пустим! – встречает меня мастер – начальник третьей, ночной смены.

Я перевожу взгляд на желоба, прикрытые железными листами, на которых горит уголь. Это было сделано для того, чтобы чугун раньше времени не остывал.

– Не забыли желоба известью обмазать? – уточняю на всякий случай.

– Ничёх не позабыли! – с нотками праведного возмущения в голосе отвечает мастер, являющийся к тому же ещё и миноритарным пайщиком СМЗ.

Через некоторое время он уже обращается к группе рабочих:

– Хватит языками чесать, облачайтесь!

Горновые рабочие, помогая друг другу, одеваются в защитные халаты, перчатки и войлочные шапки. Вооружившись ломом с кувалдами, они подкрадываются к чугунной лётке. Далее следуют осторожные, но в то же время сильные, выверенные удары. Лётка крошится. Рабочие отскакивают, их разом освещает ослепительное белое пламя.

Огненной шипящей рекой чугун врывается в желоб, заботливо укрытый сверху разогретыми железными заслонками. Народ что-то радостно и возбуждённо кричит.

– Хороший чугун! – даёт своё заключение мастер, взглядываясь в исходящий жаром ковш.

Горновые рабочие забили вместе с матюгами лётку. Далее пошла ставшая уже привычной рутинная работа. Чугун первой плавки был разлит по формам. Чугун второй плавки пойдёт в железоделательные печи. Чугун третьей плавки будет отлит в чушки. И так по кругу.

Для отливки чугунных орудий мы старались использовать более качественную импортную руду, но её всю извели ещё в прошлом месяце. Отлитые по технологии Родмана чугунные единогоги на санях свезли в Гнёздово. В сухих доках корабельи уже приступили к их установке на галерах.

Бронзовые пушки сверлили на горизонтально-сверильной машине. Борштанги были изготовлены полностью из стали, при этом сами расточные головки, точнее их зубья, естественно, были съёмными. Для движения подачи ствола к сверильной машине использовалась металлическая зубчатая рейка, сцепленная с реечным зубчатым колесом.

Но прежде чем приступить непосредственно к сверлению, предварительно определялось местонахождение центра орудийного канала. Заготовку раскручивали вокруг собственной оси, и от этого движения закреплённый напротив мелок оставлял круг, далее мелок переносили в центр только что нарисованного круга, повторяли вращение ствола, внутри первого мелового круга образовывался второй, и так продолжалось до тех пор, пока круги не суживались до точки – центра, где и надлежало начать сверление канала.

Для дальнейшей обработки ствола орудий пушек поступали в Резной цех, где резательными станами отрезались пушечные «прибыли», а снаружи они обтачивались токарным станком. Кроме того, на токарных станках выполнялись и такие мелкие операции, как, например, обточка цапф. Здесь главная сложность в обработке возникает из-за необходимости обеспечить равенство диаметров обеих цапф и наличие у них общей оси, которая вдобавок должна пересекаться с осью канала ствола орудия. Для механизации этого сложного производственного процесса пришлось очень сильно извратить токарный станок, чтобы в итоге на свет появился узкоспециализированный цапфовый станок.

Кроме обточки цапф требовалось выполнять над пушечным орудием и другие сверильные работы, такие, как просверливание запальных отверстий. Предварительно, перед просверливанием, требовалось провести разметку запальных отверстий, а именно найти между цапфами по длине пушки среднюю линию, отстоящую равно с обеих сторон от цапф, посредством налагаемого на пушку у казённой её части и у дульного фриза горного уровня, установленного на отвесной деревянной доске. Цель этих разметочных действий – добиться пересечения оси запального отверстия и оси канала орудия.

Режущие инструменты различных форм и размеров изготавливались из «уклада» (то есть стали), а в последнюю партию резцов вообще был добавлен легирующий компонент – молибден. Это отдельная история!

Ещё осенью, перед окончанием навигационного сезона я приобрёл большую партию так называемых «карандашных камней». «Карандашный камень» – это не что иное, как графит, и покупал я эти «камни» главным образом не с целью использования для письма, но как очень ценную добавку в огнеупорные глины. Графит существенно улучшает износостойкость металлургических тиглей и печей.

Так вот, раньше этот «карандашный камень» вместе с киноварью и другими ценными мелочами я закупал у немецких купцов. А крайнюю партию «карандашного камня» я перехватил у шведских купцов, направлявшихся на юг, в Киев. Это был их обычный маршрут – из Финского залива по реке Неве в озеро Ладогу, а далее вниз по Волхову в Новгород, затем по реке Ловать через Усвяты они попадали в Днепровскую водную систему, и первым крупным городом на Днепре на их пути был Смоленск. По словам шведов, эти «карандашные камни» добывались в Финляндии, и даже место мне назвали, правда, запомнить я его даже не попытался, а потому сразу же записал это невыговариваемое название в блокнот.

По внешнему виду молибден слабо отличим от графита, но при письме на бумаге он оставляет серебристую черту. Вот эта его особенность при опробовании карандаша меня сразу же насторожила, а взывшая от жадности жаба заставила все эти финско-шведские письменные камушки тут же выкупить.

Быстро примчавшись на СМЗ, я тут же приступил к экспериментам над новым «чертёжным» приобретением. Проведённые мной опыты, при участии селитры и азотной кислоты, лишь окончательно подтвердили, что этот финский «карандашный камень» на самом деле имеет совсем другое, отличное от графита, происхождение. Это был, к моему превеликому счастью, сульфид молибдена. Процесс очистки этого сульфида трудоёмкий, происходит в несколько этапов. На первом этапе применяется концентрированная азотная кислота, в результате реакции из сульфида молибдена выделяется серная и молибденовая кислоты. Далее молибденовая кислота нагревается, и получается молибденовый ангидрид. И наконец, для выделения из ангидрида металла необходимо его прокалить с углём.

Насколько важен молибден для стали? Например, всем известные японские клинки и мечи приобретают такую высокую твердость, вязкость, тугоплавкость, кислотоупорность и ряд других ценных свойств именно благодаря добавлению молибдена. Для инструментальной промышленности молибден незаменим, для орудийных стволов, кстати, тоже. Он оказывает аналогичное вольфраму действие на сталь, но гораздо более эффективно, и молибдена требуется в два-три раза меньше, чем вольфрама (примерно процентов шесть на металлорежущий инструмент), чтобы достичь той же твёрдости сплава.

Получившиеся резцы могли с той же лёгкостью обрабатывать стальные заготовки, как стальные резцы обрабатывают железные. Поэтому молибденовые резцы попусту переводить на обработку железа я не стал, а решил их использовать только для обработки стали. Назначил ответственных людей с целью перехвата по весне шведских купцов на обратном пути из Киева. Нужно было срочно договариваться с ними об оптовых поставках финских «карандашных камней». А так как камней мне надо очень много, открою я им по секрету, что школу подмастерьев при заводе открыл, учеников кучу набрал, а письменных принадлежностей совсем нет. В любом случае шведы металл молибден без участия азотной кислоты получить не смогут, да и вообще вся европейская химия пребывает в зачаточном состоянии. Даже если они о чём-то там догадаются, то повторить уж точно не смогут!

По Смоленску неожиданно ударили первые лютые морозы. Вокруг было белым-бело от выпавшего ночью снега. Дороги засыпало так сильно, что впряжённые в возки лошади с трудом торили себе дорогу, проваливаясь в снег чуть ли не по брюхо. С теремного гульбища, поёживаясь от холода, я смотрел, как над городом плывут сизые дымы печных труб. Но такую роскошь, как печное отопление, могли себе позволить далеко не все горожане. Многие избы топили по чёрному, и дым из них выходил через оконца, дыры в крышах, приоткрытые двери и серой, душливой поволокой медленно струился по городским улицам.

В Свирском тереме с отоплением тоже были большие проблемы. Выстроить здесь «русские печи» я так и не удосужился, дворец по-прежнему отапливался печами-каменками, потребляющими огромное количество дров. Вот и сейчас с подворья слышался неумолкающий перестук топоров – челядь принялась рубить дрова. Позавтракав в трапезной, отправился верхом на коне на правый берег Днепра в своё Ильинское подворье.

На въезде у обитых железом ворот проездной кирпичной башни меня встретил десяток пехотинцев, а уже на воротах заводской территории СМЗ меня приветило звено стрельцов – накануне я перевёл это подразделение из Гнёздова в количестве аж целого взвода. Это, собственно говоря, и были все мои наличные стрелецкие войска!

Вооружены они были пока что фитильными пищалями, активно наработывая опыт обращения с новым оружием. Кремневые замки под руководством мастера Нажира сейчас разрабатывались «замочниками», ранее корпевшими над арбалетными воротами. Перед ними стояла задача сконструировать замок как можно с большим количеством деталей, которые можно было бы массово получать штамповкой. Новые замки я был намерен прежде всего использовать в устройстве пистолей, которыми намеривался в первую очередь вооружить свою конницу.

Всё равно из-за дефицита пороха создать массовую стрелецкую армию у меня в ближайшие годы не получится.

Пищали делали по самым примитивным, на мой взгляд, технологиям, но здесь и сейчас новаторским и прорывным. Железные листы гнули в трубу на желобковой наковальне и сваривали продольный шов ствола внахлест. После этого приваривали остальные детали ствола. Сверлением внутреннего канала ствола я пока не стал заморачиваться – слишком мало производилось ружей, и налаживать под это дело сверлильный станок с приводом от воздушного двигателя было бы слишком расточительным удовольствием.

Калиевую селитру и порох, соответственно, производили пока ещё в небольших объёмах. В Гнёздове сейчас активно шла технологическая оснастка порохового завода. В качестве сырья для получения калиевой селитры использовалась аммиачная вода, получаемая из Ковшаровского торфопредприятия. Первые селитряные бурты начать вскрывать планировалось лишь весной следующего года.

Каждый стрелец носил кожаный подсумок с бумажными патронами на поясном ремне. Бумагу скручивали в кулёк и засыпали в него порох, а поверх пороха клали пулю и всё это вместе скручивали бумагой. Перед зарядкой в ружьё стрелец зубами откусывал нижнюю часть патрона, чтобы открыть доступ к пороху, часть пороха ссыпал на полку фитильного замка и с помощью шомпола проталкивал патрон до самого конца ствола. Применение бумажного патрона значительно упрощало процесс заряжания и повышало скорострельность оружия.

Ружья-пищали были снабжены ремнём, поэтому их можно было носить за плечом. Высококачественное железо, получаемое из шведской руды, позволяло серьёзно облегчить вес ружья и обходиться без сошек. Кроме того, для ведения ближнего боя все ружья были снабжены штыком.

Опытовые стрельбы показали пробивную силу пули: если удавалось попасть в цель, то на дистанции как минимум до пятидесяти метров она прошивала навылет любой доспех.

С заводскими стрельцами-охранниками раз в неделю начали устраивать учения, где отработывались новые тактические схемы боя. Воины строились в десять рядов глубиной. Это объяснялось низкой скорострельностью фитильных ружей. Стоявшие в первом ряду спускали курок, имитируя выстрел, затем делали поворот кругом и маршировали назад. Там, за спинами товарищей, они могли перезарядить оружие в относительной безопасности. Те, кто стоял во втором ряду, делали шаг вперед и в свою очередь «стреляли». Воины повторяли эти движения снова и снова, пока не смогли выполнять их автоматически.

Здесь же вместе со стрельцами проходили обучение пушкари. Дело в том, что в Гнёздово никто из командиров-дружинников дела с огнестрельным оружием не имел и ничему вразумительному никого научить не мог. Поэтому обучением приходилось заниматься мне, а чтобы не сидеть постоянно в Гнёздово, стрельцов и пушкарей я перевёл к себе на территорию Ильинского детинца. В стрельцы, а особенно в пушкари и помощники командиров (вестовые, знаменосцы-сигнальщики, трубачи и барабанщики) попадали самые смекалистые призывники, способные осилить школьную программу и заодно суметь выучить и применять на практике написанные и уже отпечатанные воинские уставы. Этих уставов было два: общевоинской, посвящённый всем родам войск, и отдельно пушкарский – для артиллеристов.

Этот Пушкарский устав писался параллельно с производством и испытанием первых пушек. В него мною сразу была внесена стандартизация стволов, зарядов, лафетов и единиц измерения. Так, основой для пушек стал вес чугунного ядра, которое при диаметре 2 дюйма (5,08 сантиметра) весило один фунт, названный артиллерийским (около 491 грамма). Ядро весом 3 артиллерийских фунта имело диаметр около 7,6 сантиметра, 6 фунтов – 9,5 сантиметра, 12 фунтов – 12 сантиметров и так далее. Длина орудийного ствола измерялась диаметром его ядра, в калибрах. Какое число ядер можно уложить вдоль ствола, таков будет его размер в калибрах.

Постепенно, в результате опытов, определилось необходимое количество пороха, чтобы и ствол не разорвало, и ядро улетело как можно дальше. Для больших орудий оно равнялось половине веса ядра, для малых – две трети или даже целому ядру.

Приводились в Уставе и некоторые математические, баллистические расчёты. Поэтому каждый пушкарь знал, что для достижения наибольшей дальности стрельбы ствол должен быть поднят на 45 градусов по отношению к линии горизонта.

В Пушкарском уставе была прописана «Инструкция для приема артиллерийских орудий», по которой каждый орудийный ствол должен был подвергаться осмотру и проверке на предмет правильности изготовления канала ствола, расположения цапф, мушки. После этого проводилось испытание на прочность тремя выстрелами. Вес боеприпасов для каждого выстрела определялся соответствующей таблицей, прилагаемой к инструкции. На вооружение армии от производств принимали только те орудийные стволы, которые отвечали всем требованиям данной инструкции.

При СМЗ во главе с Веруславом уже не первый месяц функционировала заводская школаучилище, получившая название ПТУ. Пушкари, стрельцы, а также вестовые, знаменосцы-сигнальщики, трубачи и барабанщики отзывались из гнёздовских полков и в обязательном порядке проходили в ПТУ обучение. Заводская школа давала не только начальное образование, но и совмещала его с курсами повышения квалификации и лабораторией. Преподавателями в ней были бывшие ученики первого набора «дворянской школы», подросшие как физически, так и интеллектуально. Профессиональные навыки и умения пэтэушникам прививали мастера и наиболее способные подмастерья. Также здесь проходили обучение сами рабочие, подмастерья, их дети, а также некоторые отобранные в ходе тестирования горожане и жители окрестных сёл, занятые рудно-угольными заготовками для завода. В лаборатории учителя-химики осуществляли опыты при активной помощи наиболее заинтересовавшихся этим делом подростков. Ну и заводскую практику для учащихся никто не отменял.

Глава 2

Суздальский купец Данила Микифорович на санях вкатывался в Смоленск, в его Заднепровскую часть. Уже в посаде, не доезжая до деревянного частокола Ильинского конца, обнаружилась знакомая по прошлому приезду корчма, где могли останавливаться на ночлег торговые гости. Рядом с корчмой ютился княжий питейный дом, или попросту – кабак, где торговали водкой, вином, медовухой и пивом. Подобные заведения изрядно пополняли карман их владельца – всё того же князя-наместника.

Минувшим летом купец привёз в Смоленск восточные ткани, а в этот раз, по просьбе самого Владимира Изяславича, с коим он долго и плодотворно общался в прошлый свой приезд, купец вёз странные, на его взгляд, товары – бочонки с земляным маслом (нефть) и индийский снег (селитра). Эти не пользующиеся особым спросом товары Данила заказал, а потом и купил у болгарских купцов. Болгары же, в свою очередь, достали их откуда-то из-за Хвалынского моря.

Обратно в Суздаль Микифорович хотел прикупить железной проволоки, железный строительный инструмент и побольше кухонной чугунной утвари. Эти заводские товары в его торговых рядах надолго не залёживались – вмиг разлетались, особенно проволока, шедшая на кольчуги. А за право купить распроданные в первый же день чугунные котлы суздальские хозяйки вообще устроили скандал. Напрямую у князя все эти товары прикупить было нельзя, вся торговля с приезжими русскими купцами велась через местную боярскую братчину – паевое торговое предприятие.

Близился вечер, морозец усилился, и лицо купца защипало сильнее, но его нос уже почуял запах вкусной еды и тепла приближавшейся корчмы. Данила мысленно воздал хвалу Творцу за то, что доменные трубы заводов дымят в противоположную от этой части посада сторону. В прошлом году летом дым из домен не только дул в сторону корчмы, но ещё и довольно низко стелился вдоль земли. В тот памятный день смрадом он надышался будь здоров. Самого завода из-за наступившей темноты купец не видел, лишь вдалеке едва угадывались освещаемые башенные ворота. В хлебосольной корчме Данила разместил своих людей, а под охраняемым навесом – сани с привезённым товаром. Вкусно перекусил лесной дичью да сладко завалялся спать в хорошо натопленной комнате. Долгая поездка требует долгого отдыха.

Проснулся купец ни свет ни заря, зимой светало очень поздно. Затем Данила перекусил на скорую руку пятью пирожками с разными начинками, запил всё квасом. Купец спешил отправиться в Ильинский конец, чтобы посетить церковь и воздать должное лишь ему известным святым, благодаря заступничеству которых он счастливо добрался в эти земли.

– И товар цел, и сам здоров! – с этими словами Данила перекрестился, с благодарностью глядя на иконное изображение своего небесного покровителя.

Детинец князя с дымящими огромными трубами, множеством мастерских и амбаров произвёл на суздальчанина сильное впечатление. В прошлый его приезд вся заводская территория казалась ему одной большой стройкой, и так сильно не бросались в глаза все эти кирпичные махины. Первые секунды купцу показалось, что он попал в нижнегерманские города, до того много было фахверковых зданий, разбавленных редкими кирпичными постройками, сплошь покрытыми черепицей. Прошлым летом все эти амбары находились ещё в стадии строительства.

Да и в самом Ильинском конце в этот его приезд купцу часто попадались на глаза подобные дома, выстроенные в немецком стиле. Причём «немецкие» дома некоторых горожан богато украшались затейливой резьбой, что не только радовало глаз купца, но и придавало каждому такому строению неповторимость. На глаза Даниилу, когда он ехал в церковь, попадалось много боярских деревянных хоромов, покрытых черепицей. Вообще кирпича и черепицы в

этом конце города было до неприличия много. Не иначе, как у здешнего князя потрудились немецкие зодчие, сделал логичный вывод Данила.

По заводской территории торговый гость шёл в сопровождении пешего ратника. Как ему уже успели сообщить, князь был на заводе и желал лично принять суздальского купца. Воротная стража и дружинники важно расхаживали по заводским территориям в необычных доспехах – вороненых кирасах с наплечниками, в тупых шеломах, имели латную защиту рук и ног, шею прикрывал закреплённый к кирасе нашейник. Доселе купцу подобная бронь нигде не встречалась. Поддоспешником служила обычная стёганка, но у некоторых воев, видать, командиров, поверху стёганки была надета ещё и кольчуга для дополнительной защиты тела. Странно, но и одновременно грозно смотрелся единообразный для всех наддоспешник. Он был сделан из плотной парусины с капюшоном, раскрашенный в жёлтый цвет с нашитыми поверху спереди и сзади чёрными крестами, с непонятными буквами и числами на пустых полях, по сторонам от крестовых линий. Встречавшиеся боевые кони тоже были защищены дай боже! Стальные наглавники и нагрудники дополнялись толстой воловьей кожей под жёлтой попоной с чёрными крестами.

Рядом с огромным фахверковым заводом, из черепичных крыш которого торчали дымящие трубы, были выстроены небольшие двухэтажные кирпичные хоромы, покрытые, как и все здешние крыши, черепицей.

«Видать, княж пожара опасается», – думал Данила, разглядывая черепичные крыши десятков строений. Дом этот кирпичный, прозванный отчего-то «заводоуправлением». Только в этих хоромах, в одной из комнат, называемой «конторой», велись дела с торговыми людьми. Все эти чудачества купца мало волновали, пусть как хошь свои хоромы прозывают, главное было то, что князь Владимир Изяславич почтение и уважение к торговым людям имеет, да и излишней скарედностью, этим смертным для торговцев грехом, не страдает. И, несмотря на свои малые года, через месяц только пятнадцать лет сполнится, всех удивляла оборотистость молодого князя – любого зрелого купца за пояс заткнёт! Такая предприимчивость вызывала уважение, особенно у торговых гостей и купцов.

В конторе, чуть в отдалении от входа, сидя за большим столом, его встретил уноша, лет шестнадцати, звавшийся Николкой. Князь его должность называл «секретером», наверное, из-за того, что тот хранил какие-то секреты, по-русски говоря – доверенный, переименовал Данила должность Николая. Доверенный подозвал неподалёку болтавшегося мальчишку с испачканными в чернилах руками для доклада князю о заявившемся торговом госте. Мальчишку пришлось прождать несколько минут, во время которых купца досмотрели ближние дружинники князя. Они проверяли, нет ли у него с собой припрятанного оружия, но, ничего запретного не найдя, купца отпустили.

Всё с тем же прибежавшим от князя мальчуганом Данила побрёл, путаясь в полах своей длинной шубы, при этом крепко держась за поручни лестницы, круто уходящей вверх. Поднимался он осторожно, чтоб, не дай бог, не оконфузиться падением.

* * *

Встретил я купца сидя за столом. Не стал утруждать себя, как здесь было принято, распросами о семье, здоровье родственников, а сразу перешёл к делу.

– Ты, Данила Микифорович, знаешь, что я пустословья не люблю, вижу, что ты доехал хорошо, жив и богат, – услышав последнее слово, купец протестующе выпучил глаза, а я, словно не замечая, продолжил: – Так что мой секретарь Николай покажет, куда привезённый тобой товар надо завезти, там же с тобой и рассчитаются.

– Очень пользителен этот индийский снег от болей в животе, – расхваливал купец свой товар, пытаясь набить ему цену, – ещё его можно для лучшего горения добавлять в смолу

– случись осада города, вернейшее средство! Ну а земляное масло вылечит от всех кожных болезней. Поэтому извиняй меня, Владимир Изяславич, я цену снизить не могу, иначе сам без порток останусь!

– Ладно, купец, уговорил, но в следующий раз вези и масла, и снега индийского побольше, а цену спрашивай пониже, иначе я разорюсь! Уговорись как-нибудь со своими болгарскими купцами, они должны понимать, что чем больше партия купленного товара, тем меньше должна быть цена, так как торговый оборот и так сильно возрастает.

– Истину глаголешь, княже! – согласился с моими словами суздальчанин. – Постараюсь цену у болгар ещё больше сбить! А как много тебе товара потребуется?

– Куплю всё, сколько ни привезёшь!

– Ух ты! – Данила схватился в восторге за свою бороду. – Так я летом на ладьях могу раз в десять больше, чем на санях сейчас привёз, к тебе доставить. Купишь ли?

– Если цену хотя бы вполовину сбавишь, то куплю! – твёрдо пообещал я.

– А ежели на треть? – прищурился купец.

– Договоримся как-нибудь! – Я неопределённо махнул рукой. – Главное побольше привези!

– За этот привоз дашь ли мне, княже, расчёт в чугунных горшках, котлах и в железной проволоке? Или через вашу братчину мне куплять?

– Дам! – Я махнул рукой, мне-то лучше, не придётся гривны тратить, а бояре и так на перепродаже моих товаров, дай бог, навариваются. – Давай теперь сочтёмся, кто, кому, что и за сколько продаёт.

– Дело говоришь, Владимир Изяславич, – кивнул головой Данила.

Я быстро перемножил вес на цену в столбик и объявил об итоговой сумме в гривнах и за селитру, и за нефть, затем полученные результаты соотнёс с ценой на товары собственного производства и выдал купцу готовые результаты. На всё про всё потратил минут пять, но Данила такому быстрому и непонятному ему способу подсчёта явно не доверял, тем более индийские цифры, которыми я оперировал, ему ни о чём не говорили.

– Надо на костях подсчитать! – заявил он, вставая со скамьи и покидая кабинет. Правда, очень скоро он вновь объявился, но не один, а со счётными причиндалами.

Счёт костями осуществлялся при помощи плодовых косточек – сливовых и вишнёвых, они хранились в маленьком мешочке. Числа выражались в «буквенной» нумерации.

Купец стал бережно доставать свои счётные инструменты – мешочки с плодовыми косточками, дощечку для писания по воску (цера) и писало – деревянную палочку, имевшую на концах с одной стороны заточку, а с другой лопатку – используемую для стирания. Исходные данные он стал заносить писалом на восковую поверхность церы, предварительно разбив счётное поле на вертикальные колонки. В колонках он сперва разложил плодовые косточки в соответствии с числовой записью на цере, а затем по определённым правилам стал перемещать их. Получив искомый числовой результат, он переносил на церу полученное число.

Все эти телодвижения мне больше всего напоминали игру в нарды. Бывшие ученики моих дворян подобной счётной премудростью владели и обучали ей уже своих учеников. В том году один смоленский купец за весьма «скромную» плату их этой науки обучил. Я по причине острого дефицита времени и банальной лени во все эти таинства вникать не стал – таблицы умножения, столбики деления, дроби, а в качестве персональной вычислительной машины – счёты, те самые, из моего советского детства, с разноцветными деревянными костяшками на железных прутиках, меня более чем устраивали. Знакомой мне системе счёта обучались и все ученики, так как, что ни говори, а она более простая и понятная, и самое главное, уже доказавшая свою универсальность и жизнеспособность временем. Но учителей я всё же решил обучить существующему здесь счёту, исходя из народной мудрости: с волками жить – по-волчьи выть.

Результаты моих подсчётов, к плохо скрываемому удивлению Данилы, сошлись с его собственными расчётами. Вызвав Николая, я выдал ему записку с указанием, чего и сколько выдать Даниле со складов, и отправил купца с его товаром и со своим секретарём на производственные склады.

А сам вышел на улицу размять свои кости. Заводская территория за последние месяцы сильно преобразилась. Плотины с водяными колёсами за ненадобностью были разобраны. Metallургический завод, разнесённый ранее на две части по речкам Городянка и Ильинка, теперь, с появлением воздушных двигателей (двигатели Стирлинга), полностью переехал на берег речки Городянки. Таким образом, СМЗ территориально оказался полностью совмещён с моим княжеским подворьем, окружив мой терем со всех сторон заводскими цехами, мастерскими и складами. Всё подворье, включая здание банка, было обнесено крепостными сооружениями со стенами и башнями – кирпичными бастионами. Вся эта фортификация органично вписывалась в оборонительные сооружения Ильинского конца, защищённого всё ещё по старинке земляным валом с тыном. Но в моих планах было со временем обнести весь Ильинский конец крепостной кирпичной стеной и параллельно обложить кирпичом Левобережный город.

А на берегу речки Ильинки, там, где ранее размещались металлургические цеха, теперь работали только лесопилки. Но и там я планировал вскоре дополнительно выстроить новые производства.

У нас теперь было что и, самое главное, чем производить. Семимильными шагами развивалось станкостроение.

Получили своё развитие сверлильно-расточные станки, применяемые в обработке канала стволов артиллерийских орудий. Они стали всё активнее использоваться и в конверсионных производствах для обработки цилиндров различного назначения, используемых в двигателях, воздуходушных аппаратах, насосах и других устройствах.

Повысить точность обработки цилиндров удалось прежде всего благодаря модернизации борштанги горизонтальносверлильных машин. Для того чтобы добиться механического передвижения режущей головки вдоль образующей обрабатываемого цилиндра, через всю борштангу был сделан глубокий паз, в котором помещён по всей длине ходовой винт. Режущая головка могла свободно скользить вдоль борштанги, так как она была глухо скреплена с маточной гайкой, перемещавшейся при вращении винта. Последний, осуществляя движение подачи, был связан с движением самой борштанги с помощью пары зубчатых колёс. Нечто подобное изобретут в Англии лишь в конце восемнадцатого века (станок Вилкинсона)!

В обработке зубчатых колёс – ответственных и наиболее трудоёмких деталей машин – применялся специально изготовленный для этой цели зубофрезерный станок. Он был полностью механизированным, имел три ходовых винта, что позволяло перемещать фрезу в трёх взаимно перпендикулярных плоскостях (это обеспечивало обработку всего профиля зуба). Для фрезерования зубьев применялся делительный диск с пружинным фиксатором. На стержне, соединённом неподвижно с делительным диском, при помощи шайб и гаек крепилась заготовка.

Цилиндрическая направляющая служила опорой для узла фрезы, который мог перемещаться при вращении ходового винта по двум направляющим. Фреза приводилась в движение от приёмного рабочего трёхступенчатого шкива. Изменение положения фрезы в вертикальной плоскости осуществлялось с помощью нажатия на рукоятку рычажного механизма, а изменение фрезы в горизонтальной плоскости – при помощи вращения специальной рукоятки. Для нарезания колёс большого диаметра использовался люнет, он поддерживал обрабатываемый край заготовки для предотвращения прогиба и вибраций. Для сравнения в Европе делительные шайбы появятся во второй половине шестнадцатого века, но сама механизация процесса разметки зубьев и их нарезания будет осуществлена французским инженером-приборостроителем Бионом только через сотни лет, в 1709 году.

Также был сконструирован ещё один фрезерный станок, но его использовали для фрезерования поверхностей металлических заготовок. В устройстве станка не было ничего сложного: шкив приводился в движение при помощи ремня, железный кронштейн поддерживал валик механизма подачи. На валике находились шкив и бронзовый червяк, приводившие валик в движение. Шкив валика подачи соединялся ремнём со шкивом на шпинделе. Червячный вал находился в зацеплении с зубчатым колесом, насаженным на винт, осуществлявшим механическую подачу стола станка, при желании можно было работать и вручную, с помощью рукоятки на червячном колесе.

Нарезание винта осуществлялось на токарно-винторезном станке: вдоль оси заготовки перемещался механический суппорт, и резец, закреплённый в нём неподвижно, выполнял винтовую нарезку. Обдирка поверхностей (литейных швов, штамповочных заусенец и другого), различные шлифовочные работы, а также заточка режущих инструментов осуществлялись на абразивном станке. Исходным сырьём для абразивных изделий (кругов, точил, брусков и тому подобного) служил завозимый с Ростиславля песчаник.

Благодаря применению воздушных двигателей производственные мощности всерьёз возросли, и этот рост в дальнейшем только усилится. В этой связи заводской станочный парк должен дополняться не только количественно, но и качественно, в том числе из-за появления в ближайшее время новых станков. В частности, мастера сейчас активно трудятся над разработкой строгальных (продольных и поперечных) станков, абразивных кругов с искусственной связкой, плюс к этому думают над усовершенствованием уже существующих.

Потихоньку начались первые опытно-конструкторские работы и над паровым двигателем. Я не случайно уделил так много внимания станкам, ведь именно вся эта вышеперечисленная машинерия, управляемая обученным персоналом, непосредственно воплощала в металле наши коллективные туманно-паровые умствования. Теорию работы сжатого пара, примерную конструкцию двигателя я, как смог, попытался объяснить. Но чувствую, над нормальной, надёжно работающей паровой машиной придётся колдовать ещё не один год.

Послonyaвшись бесцельно по заводу, вступая по поводу и без в разговоры с мастерами, я направил свои ноги в медеплавильный цех. Готовые медные отливки и руду закупали всё лето у немецких и итальянских купцов.

В этом цеху меня радушно встретил Провоторов Никита, бывший смоленский медник, ныне переквалифицировавшийся в начальники медеплавильного производства. В этом же цеху отливали бронзовые единороги.

Всё бы хорошо, но в последний раз в монетный цех СКБ поступила какая-то странная партия меди. Вот как раз по этому поводу я сюда и направился, чтобы прояснить этот вопрос у Провоторова.

– Никита, а разве вот эти отливки, – я вытащил из кармана медную пластину, – тебе странными не показались? Думается мне, что там помимо меди ещё кое-чего намешано.

Провоторов насторожился. Он, конечно, понимал, что здесь медь с какой-то примесью, будь она неладна, да вот с какой, а главное, как её от этого очистить, Никита не представлял. Медь, проданная по осени немцами, ему приглянулась необычно яркой раскраской, а потому с неё он хотел отлить колокола. Не всё же только бронзовые пушки делать!

– Да, Владимир Изяславич, ты, верно, подметил эти отливки, больно красивые! Хочу я их опробовать на колоколах. Думается мне, что звон таких колоколов очень звонким выйдет!

– На кой чёрт мне твои колокола? Ты что, ополоумел?! – я сильно возмутился, сбившись с темы.

– Ждём привоза олова, княже, то, что было, всё израсходовали на тяжёлые полевые орудия. Вот я и решил: чтобы навык не терять, нужно колокола медные отлить. План по монетам мы выполнили. Вот, с Божьей помощью, с завтрашнего дня начнём лить колокола. Их можно, если самим не надо, хорошо продать...

– Я тебе дам... продать! Только попробуй эти отливки куда деть! Будешь отвечать за них головой!

Меня совершенно вывела из себя тупость Провотворова, захотевшего золото закатать в пушки и колокола. А том, что в этой меди было золото, приглядевшись повнимательнее, я уже не сомневался.

Никита, не ожидавший такой реакции князя, лишь удивлённо хлопал глазами.

– Владимир Изяславич, – испугавшись, взмолился Провотворов, – ты нам тока скажи, что да как с нею, проклятой, делать, вмиг исполним!

– Вмиг не получится. Пойдём, поговорим в твой кабинет.

Разместившись за грубо сколоченным столом, мы продолжили прерванный разговор.

– Ну, так что, ты ещё не догадался, что это за медь?

На Никиту, кажется, снизошло озарение, он выпучил глаза и произнёс:

– Неужто и впрямь бесовская?

Я усмехнулся, Никита имел такой встревоженный вид, как будто ему только что объявили о сошествии сатаны на Землю. Меня так и подмывало рассмеяться, а потому я решил побыстрее всё объяснить:

– Золото, Никита! В той меди золото. Поэтому никому об этом ни слова, ни полслова! Договорись с немцами, чтобы тебе эту медь поставили с расширением закупок. Сам, лично займёшься аффинажем этого металла.

Увидев непонимание на лице собеседника, пришлось пояснять:

– Будешь, как сказано в Библии, отделять зёрна от плевел! То есть медь от золота. Очень много, конечно, не добудешь, но всё же... Аффинаж тебе надо будет проводить лично, одну десятую часть золота будешь оставлять себе, а остальное – мою долю – будешь складировать в хорошо припрятанный сундук. Об этом золоте будем знать только я и ты. Если ещё кто узнает из пайщиков предприятия, то есть вероятность, что и немцам об этом взболтнут, от зависти или по дурасти – не важно. Канал поставки мигом кроется!

Никита вытаращился своими глазами на меня и судорожно закивал головой.

– Вот те крест, – Провотворов размашисто перекрестился, – о сем злате я буду нем как рыба!

Дождавшись окончания «представления», я продолжил:

– Купорос, то есть серную кислоту, для разделения золота тебе будут из Гнёздова привозить. Чтобы из правления в это дело никто не лез, мы его отнесём к моему личному химическому производству при СКБ. Что для этого надо? Бери перо с бумагой и записывай...

Впрочем, ничего удивительного, что золото никто не смог опознать, даже из мастеров его мало кто держал в руках, а уж о способах извлечения золота из других металлов здесь никто и подавно не слышал. Тем более что золото и серебро в русских княжествах вообще не добывали, весь драгметалл был привозным.

По хрустящему под ногами свежавыпавшему снегу я подошёл к караульному, охраняющему вход в здание заводоуправления. Тот, как и положено, вытянулся по струнке, приставив пицаль к левой ноге, доложил:

– За время несения службы без происшествий. Докладил рядовой Федоров, первый отдельный пицальный взвод!

– Вот что, рядовой, – проговорил я, всё ещё не отойдя от мыслей относительно золота, – дуй к ротному Бедоурову, скажи ему, чтобы выделил мне отделение, поеду в Воищину.

– Слушаюсь, княже! – Фёдоров поднёс ладонь к правому виску.

Да, я, конечно, приложил руку к здешним воинским традициям, сделав их более для себя привычными. Благо то, что и материал для этого был подходящий. Костяк моей частной армии составляла молодёжь с ещё незашоренным сознанием.

Кроме того, советник кадрово-аттестационного отдела Страшко завёл на каждого бойца личное дело, где указывались привычные мне фамилия, имя и отчество. Некоторые бойцы записывались своими христианскими именами, другие предпочитали вписывать в метрики прозвища. С отчествами происходило всё то же самое – полный разницей. Фамилий в привычном понимании и вовсе не существовало – в ходу у бояр, некоторых горожан были кроме имён, отчеств ещё и родовые прозвища – восходящие к имени/прозвищу основателя династии или преобразованные от названия сферы трудовой деятельности предка.

Вот и у меня в армии был такой же винегрет. Не мудрствуя лукаво, приказал Страшко вписывать в качестве фамилий имена или прозвища дедов рекрутов. Так у меня на службе появились и Фёдоровы, и Бедокуровы, и всякие разные млекопитающие, и не пойми без стаграмм водки кто.

Войлока ручной выделки на все армейские нужды катастрофически не хватало. Если я думаю воевать зимой, то без тех же войлочных палаток никак не обойтись. Потому, как только на СМЗ сумели выполнить заказ на требуемые для войлочного производства машины и вчерне их испытать, я тут же, по санному пути, рванул вместе с этими железяками и их разработчиками-инженерами в городок Воишину, на наше совместное с боярином Борисом Меркурьевичем войлочное предприятие.

Вначале мастерам-инженерам СМЗ объяснял общие принципы работы машин, которые я хочу получить, а потом направил их непосредственно на войлочное предприятие к своему партнёру. Чтобы они уже там, на месте, смогли узреть, что вообще из себя данное производство представляет и как, используя мои подсказки, всё это можно механизировать не на словах и чертежах, а непосредственно в железе. Вернувшись из Воишины, мастера, засучив рукава, приступили к делу и добились успеха. А мне оставалось лишь самого себя поздравить с удачной идеей и оправдавшимся расчётом!

Несколько дней устанавливали и налаживали работу оборудования, в том числе и парового. И вскоре производственный цикл был запущен. Воздушные двигатели приводили все остальные машины в движение. Кардная машина начала обрабатывать шерсть, и уже расчёсанную шерсть рабочие начали выкладывать на ровничные машины, где она превращалась в массу требуемой ширины и толщины. Далее полученную массу пропускали между десятью парами валиков, расположенных один над другим. Под ними расположились цилиндры с продырявленными поверхностями, через которые выбрасывался водяной пар под войлочное полотно, в такие же полые цилиндры, нагреваемые паром. Войлочная ровница, проходя через первые ряды валиков, подвергаясь сильному давлению, нагревалась под паровым цилиндром, снова проходя под другими валиками, подвергалась действию пара, тянулась между следующими валиками. Таким образом, здесь в короткое время достигалось то, что при ручном производстве потребовало бы много времени и сил.

Однако в этой машине уваливание производится только в одном – продольном – направлении, что недостаточно для получения хорошего товара. Поэтому образовавшееся здесь войлочное полотно переносится на другую такую же валяльную машину, в которую оно пропускается не прямо, а под некоторым углом, и, следовательно, уваливание производится уже в другом направлении. Повторяя эту операцию несколько раз, переменяя направления уваливания, мы достигли приемлемых результатов. Для окончательной же отделки полотно пропускалось через ряд валиков, погруженных в подкисленную водяную ванну. Вышедшее отсюда и отжатое войлочное полотно становилось полностью готовым и могло уже нарезать на куски желаемых размеров.

Кстати говоря, ещё в прошлом году мы нашли войлоку новые области применения. В том же химпроме он стал употребляться для фильтрования жидкостей, в технике его можно было использовать для покрытия паровых котлов, обматывания паропроводных труб, в стро-

ительстве – для покрытия кондов деревянных столбов, опускаемых в сырую почву, с целью теплоизоляции зданий, помещений и так далее.

В Воищине у боярина мы гостили целую седмицу. За это время инженеры полностью отрегулировали производство. Я поторапливался вернуться в Смоленск, оставлять надолго столицу было как-то беспокойно. Хотя, с другой стороны, князь во время своих частых охот и других выездов, бывало, зависал непонятно где и на куда более длительное время.

В Смоленске надолго мне не суждено было засидеться. Посреди ночи в дверь настойчиво застучали, не дожидаясь ответа, в дверной проём стал щемиться мой секретарь Николай Башмаков, а за его спиной с зажжёнными подсвечниками в руках стоял Борислав. Судя по их взбодраженному виду, случилось что-то нехорошее. Предчувствие меня не обмануло.

– Княже! Словили соглядатых! – увидев мою нахмуренную бровь, Борислав поспешил исправиться и добавить информации: – Шпионов!.. Шпионов поймали и в холодную посадили!

Я медленно присел на кровати, вперев костяшки кулаков в матрац, и уставился на мигом смутившегося управляющего, возглавлявшего не только Управление при князе, но и входящую в состав этого управления Службу охраны.

– Управляющий! Докладывай как положено! – И в следующей фразе я процедил каждое слово. – Лица, занимающие столь высокие посты, по моему мнению, не должны страдать излишней эмоциональностью, то есть горячностью, – я перевёл непонятное для Борислава слово. – У них должны быть, как говорится, холодная голова и горячее сердце, а иначе излишне горячая голова может с плеч слететь! Докладывай всё по порядку и как положено!

Борислав сразу вытянулся по стойке смирно, нервно сглотнул слюну и начал свой доклад:

– Владимир Изяславич, в Гнёздово арестована группа из четырёх человек, выдававших себя за амбарных грузчиков. Ночью они попытались проникнуть в содовый цех, но были схвачены дежурной четырнадцатой ротой. Над ними служащим Особой военной службой Тырия, ротным Зуболомом сразу же была учинена пытка. – Посмотрев на меня и дождавшись одобрительного кивка, Борислав продолжил: – Под пыткой они показали, что были наняты немецкими купцами, дабы разузнать, откель у нас добывают соду, да как её далее выделывают. Двое из них ранее работали на поташных промыслах, в общем, знающие люди.

– Они у немцев по рядному договору работали, или они их тайно наняли? – спросил я, а у самого вертелась в голове лишь одна мысль: началось! Если немчура почуяла запах денег, то будут рылом землю рыть и не успокоятся, пока не упокоятся.

– Двое работало по найму, двое – их дворовые люди.

Борислав, продолжая стоять навтыжку, замолчал, а я задумался. Что делать с пойманной четвёркой? Оставить их в живых – немцы обнаглеют, убить – вой поднимут на весь свет. Выходило лишь одно решение.

– Отпустите их! Но прежде скажите им, чтобы они на словах передали немцам, своим нанимателям, что если те ещё раз к нам шпионов подошлют, то содой мы будем торговать не с ними, а с итальянцами и прочими иностранными торговыми гостями, но только не с имперцами! Каждому участвовавшему в поимке шпионов выдать премию в размере годового заработка. Исполнять!

Борислав чётко козырнул и поспешил удалиться.

– А ты, Николай, – обратился я к оставшемуся стоять в одиночестве у дверей секретарю, – поутру готовь мой выезд в Гнёздово!

Прошёл праздник Солнцеворота, отгремели коляды и святки. Незаметно подкрался христианский праздник Крещение, который накладывался на славянское празднество Водосвята. Основной традицией этого торжества является водосвятие всей воды на земле, отсюда, наверное, и крещенские купания в проруби.

Отдельные личности в этот морозный солнечный день запасались чудодейственным крещенским снегом, способным, по поверьям, излечить от многих болезней. Молодёжь, весело шумя, каталась на санках с косогулов. И мне досталось – знакомые по вечеринкам боярские дочери забросали меня снежками, когда я верхом на коне ехал в Свирский дворец.

– Княже! Хватит скучать! Пошли с нами кататься с горки, – задиристо кричали мне вслед раскрасневшиеся на морозе девушки.

С момента моего избрания наместником все игры и забавы, участием в которых я изредка баловал молодое боярское поколение, теперь полностью прекратились. Повод-то какой замечательный предоставил мне отбывший на юг князь! Из княжича я превратился в князя, правда, пока в подручного, то есть не совсем полноценного, зависимого от вышестоящего князя, которым являлся Изяслав Мстиславич. Но такое зависимое положение на мне сейчас ничуть не сказывалось – князя-то рядом не было, а значит, я был сам с усам. Кстати, насчёт усов... Чёрные волосы над верхней губой начали активно расти ещё с лета, их я не брил, а наоборот стал отращивать, беря пример с князя. До родительских усищ мне, понятное дело, было ещё далеко, но лиха беда начало.

– Вы что, не видите, до какой я жизни докатился и без всяких санок? Ни одной лишней свободной минуты не осталось! – отшучивался я от назойливых девиц.

– Ну и ездай себе дальше с боярами лавки протирать! А мы себе другого парня найдём, не такого скучного! – попытались они меня задеть.

Был бы я действительно подростком, то, может быть, и повёлся бы на эту провокацию, но эти девчата явно не понимали и даже не догадывались, с кем они связываются и кого пытаются раззадорить. Все знали, что смоленский княжич странный и необычный, но никто даже отдалённо не представлял, насколько он в действительности экстраординарен и даже парадоксален.

– Только поспешите! Те, кто долго будет искать, в старых девах останутся! – сказал и сразу пустил коня в галоп, а в мою спину полетели возмущённые выкрики вперемешку со снежками. Из-под копыт коня вверх взметались облачка серебристого снега, а сзади меня стали резво догонять приотставшие конники охраны, не ожидавшие от своего князя такого резкого старта.

Уже два часа кряду шло совещание с банкирами – главными пайщиками РостДома. Оно проходило в центральном офисе, являющемся, по сути, небольшой кирпичной крепостицей с охраной в сотню человек. Подводились финансовые итоги января месяца, живо обсуждался вопрос введения чеков и, соответственно, чековых книжек. Теперь, начиная с весны, держатели крупных денежных сумм смогут выдавать своим контрагентам чеки – именные или на предъявителя, прописывая в них денежную сумму, которую чекодержатель сможет получить в банковских отделениях РостДома.

А банковские филиалы открылись не только во всех городах княжества, но и за его пределами – в Новгороде, в Пскове, во Владимире-Волынском и даже в Киеве; в этих крупных городах они управлялись местными ростовщиками, заключившими соответствующий договор и передавшими РостДому контрольный пакет паев своих ростовщических контор. Вести подобный бизнес в независимых от смоленского князя городах было для тамошних банкиров, конечно, большим риском, но, тем не менее, очевидная выгода перевешивала потенциальную угрозу закрытия и разграбления, висящую над ними как дамоклов меч.

Постучавшись в дверь, вошёл секретарь Башмаков. Николай передал мне записку, в которой было написано всего два слова: «Мальчик родился».

Ну что же, моя любовница Инья благополучно родила сына, и эта новость меня обрадовала. Нажили всё-таки мы с ней дитя! Хотя чему я удивляюсь? В интимных вопросах местные женщины не просвещены, да и нормальные средства контрацепции отсутствуют.

С ублюдками здесь, на Руси, как и с бастардами в Европе, поступали жёстко. Незаконно-рождённые считались плодом грехопадения, местной общественностью априори порицались и напрочь ею игнорировались, несмотря на родовитость родителей. В качестве наследников высшей государственной власти бастарды вообще никогда никем всерьёз не рассматривались. Тот же Владимир Креститель был единственным исключением, да и то он был рождён от рабыни ещё в языческую пору. А сейчас на Руси – в условиях христианства с его моногамией, освящаемого церковью брака, а также лестничного наследственного права и просто огромного выбора родовитых свободных князей – бастарды были низведены в ничто.

Но, несмотря на эти обстоятельства, держать в чёрном теле ребёнка я не собирался, намереваясь обеспечить вместе с матерью им необходимый достаток и инкорпорировать их как минимум в боярско-купеческое сословие.

Говорить компаньонам ничего не стал. Совещание по-быстрому закруглил. С дежурным десятком конников проскакали Торг, переправившись по мосту в Заднепровье и проехав несколько сотен метров по набережной, миновав причал в устье Городянки, напрямик направились в Ильинский детинец.

У кровати роженицы суетилась повитуха, а челядинка купала громко кричащего ребёнка в деревянном корыте, наполненном горячей водой. По умиротворённому лицу Инеи блуждала улыбка. Закончив купание, младенца обтёрли сухим полотенцем, завернули и передали мне на руки маленький голосащий розовый комочек.

– С сыном тебя, князь, – сказала молодая «акушерка».

Я его некоторое время рассматривал, при этом глупо улыбаясь. Потом подошёл к Инее. Её тёмные волосы разметались по подушке, поцеловал её и подарил шкатулку с золотыми украшениями.

В крещении мой первенец получил имя Александр. Оставлять Инею с сыном в своём тереме я не стал, чтобы ещё больше к ним не привязываться. За своим сыном я намеривался присматривать, но издалека. Неизвестно, когда я ещё женюсь, к тому же в будущем всякое возможно. Кто знает, может быть, я себе с дури заработаю нечто вроде перкутанной кастрации, отбив мошонку в седле. А так потенциальный наследник лишним точно не будет, тем более что сейчас он у меня в единственном экземпляре.

Инее я купил купеческий двор в Окольном городе и передал ей во временное управление до момента наступления совершеннолетия Александра пять процентов паев компании «Арома». Сам пакет этих паев по документам находился в собственности Александра и был записан на его имя. Получаемых от этой доли дивидендов вполне хватит если не для жизни на широкую ногу, то, по крайней мере, позволит матери-одиночке с тремя несовершеннолетними детьми вести в городе благородное существование. Таким поворотом дела Инея осталась вполне себе довольна и даже мне благодарна, хоть при расставании без слёз не обошлось. Как уже говорилось, менталитет здесь у народа был другой. У многих князей и бояр бастарды вообще пребывали в качестве челядинников, то есть простых дворовых холопов.

Потому-то мой широкий жест с покупкой хором и передачей им паев высокодоходного предприятия Инея смогла оценить по достоинству.

В последней декаде февраля ударили сильные морозы, совать нос на улицу совершенно не хотелось. На следующий день после праздника Сретения Господня я организовал первые выпускные экзамены при заводском училище.

И вот сегодня самыми первыми экзамен будут сдавать слесари. У них был свой собственный класс для практических занятий – отгороженный конец машинного цеха с установленными там же, уже порядком раздёрганными станками и верстаками. Здесь ученики в течение полугода постигали работу напильниками, обтачивая вручную детали, а также изучали устройство станков. Те из учеников, кто успешно пройдёт сегодняшнее испытание и получит звание

подмастерья, продолжают свою учёбу и будут допущены для учебных занятий на станках. Всё это время, с июня месяца, их обучал важнейшему искусству, особенно важным в наших непростых условиях, а именно ручной доводке деталей, пожилой мастер, удачно совмещающий преподавательское дело с работой на заводе.

Большинство учеников этого класса, кстати говоря, тоже были заводскими рабочими, правда, неквалифицированными. Кроме работы руками в общеобразовательных классах ученики постигали грамоту и счёт. И мастерами могли рассчитывать стать только те из них, кто кроме работы с железом не просто освоит на бытовательском уровне математику, но и научится применять её в практической работе, производить расчёты.

С целью пропаганды просвещения на экзамены были приглашены некоторые мои компаньоны по совместному бизнесу – полтора десятка бояр и купцов. Хотелось им, так сказать, для наглядности показать, как должны выглядеть и кого готовить будущие ПТУ при наших СП. Передовые образовательные технологии я был намерен всемерно развивать везде, где это только возможно. Грамотные специалисты – вот главное узкое место нашей стремительно развивающейся промышленности, потому срочно требующей соответствующих действий.

Вошедшие гуськом в механический цех бояре заворожённо принялись вертеть головами, с удивлением оглядываясь вокруг. Приводные ремни нависали над каждым станком, густо переплетаясь и сбиваясь вокруг трансмиссий. Чтобы ненароком не перепугать компаньонов, сегодня в цеху был устроен выходной, и станки не работали. Работа станочного парка из-за наличия приводных ремней впечатляла даже меня. При этом складывалось такое впечатление, что над головой вертится огромный клубок беспрестанно шипящих змей. Поэтому-то я и решил побережь психику средневековых бизнесменов, впечатлений от увиденного у них и так более чем достаточно. Ведь для большинства наших с боярами совместных предприятий было ещё далеко до технологически-машинного уровня, уже достигнутого на СМЗ.

Бояре в экзаменационную комиссию включены не были, они здесь присутствовали исключительно в качестве посторонних гостей-наблюдателей, создавая необходимый антураж. Экзамен принимали заслуженные мастера, профессионалы своего дела, возглавлял комиссию главный заводской механик Тетер, когда-то начинавший с производства водяных колёс. Весь преисполненный собственной важностью от порученного ему дела, он с высоко поднятой головой расхаживал вдоль столов, где, съёжившись, сидели побледневшие от волнения ученики. Они с ужасом переводили взгляды со знакомых членов комиссии на вальяжно рассевшихся бояр во главе с князем.

– Не тяни, Тетер, кота за хвост, начинай испытания! – Я дал отмашку на начало экзамена сразу после того, как был зачитан список присутствующих на экзамене учеников.

Главмех согласно кивнул головой и принялся по одному вызывать к себе экзаменуемых, выдавая им заготовки деталей с заданиями вроде обстрогать гайки или обточить валки. Вместе с заготовками ученики получали также и листки, где были письменно указаны требуемые параметры обточки деталей.

Экзаменуемые, получив задания вместе с заготовками деталей, сразу вооружались измерительными инструментами – кронциркулями и угольниками, после чего с озабоченными лицами расходились по своим рабочим местам, вдумчиво читая выданные им задания. Все заготовки должны были обтачиваться ими только вручную, без использования станков, сильно облегчающих труд.

Ученики, мигом позабыв о своих тревогах, быстро погрузились в работу, полностью отревшившись от окружающего мира. Помещение мастерской наполнилось неприятным скрежетом от работы напильников.

Я, вместе с приглашёнными боярами поспешил удалиться, оставив учеников наедине с членами экзаменационной комиссии. Результаты своего труда на суд широкой общественно-

сти они должны будут предъявить только на завтрашний день, точнее вечер. Не быстрое это, однако, дело – ручной труд!

Великосветские бизнес-партнёры были приглашены в гости в терем. Сутки напролёт, с перерывами на сон и еду, мы обсуждали не только наши совместные дела, но и введение на наших паевых предприятиях общеобразовательных школ с дополнительным производственным обучением. Я работал всё же не с ретроградами, а с активными, прогрессивно мыслящими боярами, поэтому моё предложение особых возражений не вызывало. Бояре с купцами понимали всю свою выгоду от наличия на предприятиях грамотных, высококвалифицированных спецов. Ну а те, кто не совсем это осознал, вернее, жалел денег на эту затею, очень быстро прозрели под моим словесным напором. В конечном итоге договорились уже через месяц завести при всех наших совместных предприятиях ПТУ, аналогичные существующему при СМЗ. В моих же планах было самостоятельно открыть в Гнёздове архитектурно-строительное и химическое училища, благо тамошняя производственная база как раз под эти дела и была заточена.

На следующий день лишь пятая часть учеников выдержала строгий экзамен, получив заслуженное звание подмастерья. Теперь, согласно утверждённым мной учебным программам, выдержавшие экзамен могли стать мастерами, но не раньше, чем через два года. Для этого им необходимо было сдать зачёт по работе и обслуживанию станков и двигателей, выдержать намного более сложный квалификационный экзамен, предварительно овладев школьной программой, сдав при этом на «отлично» математику с черчением. Те же, кто будет претендовать на звание мастера в химических производствах, должны будут на «отлично» сдавать химию с физикой. И эти новые мастера должны быть в массе своей куда как профессиональней, ну или как минимум учёней нынешнего поколения, имеющего довольно куцую теоретическую подготовку.

Ученики, не справившиеся с заданием и предъявившие экзаменаторам дефектные, скобоченные детали, продолжают обучение в ученической мастерской, чтобы через три месяца попытаться повторно пересдать этот экзамен. Никто не собирался допускать неумёх до ответственных работ, так как себе дороже выйдет, поскольку ничего кроме брака они просто по определению изготовить не смогут.

Те из них, кто и в третий раз не сможет сдать экзамен, будет безжалостно отчислен. Использовать таких «отчисленцев» в качестве грубой, ломовой рабочей силы было бы крайне неэффективно и расточительно. Ведь помимо работы с железом они учились в ПТУ математике, письму, им преподавали дополнительные курсы по агротехнике, селекционной работе, биологии, основам рудознатского дела (геология) и прочему. Поэтому «отчисленцев» после дополнительных курсов я намеревался вливать в активно сейчас формирующийся при моей персоне чиновничий аппарат. По моим планам, они должны были стать основой нового служилого дворянства, исполняя свои обязанности в различных органах госвласти в столице и в волостях, работать в качестве учителей в школах, а также с документооборотом на предприятиях, занимая управленческие должности.

Разбрасываться грамотными людьми, сумевшими сладить с новой образовательной программой и овладеть новыми предметами, введёнными мной в оборот, было бы с моей стороны самым настоящим преступлением. Тем более что явные недотёпы в ПТУ не обучались, подобные недалёкие личности очень быстро отсеивались по результатам ежеквартальных контрольных работ. Их прекращали чему-либо обучать, отчисляя из ПТУ, оставляя при этом на рабочих должностях, не требующих особого ума и творческих способностей.

Поэтому я имел все основания рассчитывать на то, что неудавшиеся мастера смогут много лучше реализовать себя в других сферах, став вместо потенциальных бракоделов на предприятиях вполне себе неплохими служащими.

Летом, согласно моим планам, в Смоленском княжестве должна будет разразиться крупномасштабная война. На первом её этапе нужно было в срочном порядке брать под свой единоличный контроль столицу, а также подмять под себя большинство внутренних сепаратистских удельных княжеств. И этим роковым для себя шагом я ставил на кон все свои достижения и даже собственную жизнь, но дальше тянуть не было никакой возможности. Добьётся князь успехов в своём походе или потерпит фиаско, уже становилось не важно. Маховик военных приготовлений стремительно раскручивался, осталось лишь привести в действие эту военную машину – и она всё вокруг себя затопит кровью. Дальнейшее промедление, в свете предстоящего нашествия Орды, было смерти подобно. Мне необходимо было срочно увеличивать численность своей армии и делать это за счёт покорённых городов и территорий, ведь людские ресурсы подконтрольных князю смоленский земель далеко не безграничны.

В этой связи вставала во весь рост проблема снабжения армии продовольствием, а следовательно, и длительной сохранности продуктов питания. Дело в том, что копчёности и солонина – это, конечно, хорошо, но летом и они будут портиться в многомесячных походах. Долго я насиловал свою абсолютную память, что досталась мне в виде бонуса из прежней жизни, пока полностью, предложение за предложением не восстановил рецепт приготовления галет из когда-то давным-давно прочитанной статьи. Дело это оказалось, в общем-то, не хитрым. Мясо отваривалось до получения мясного желе, а затем перемешивалось с мукой и запекалось. Вкус, правда, у этих галет получался отвратным, но зато это был высококалорийный, практически не портящийся продукт.

Теперь, разобравшись в первом приближении с продовольственным вопросом, по крайней мере, наметив реальные пути его решения, я взялся за ещё одну проблему.

Требовалось что-то срочно решать с нашим допотопным текстильным производством. Новобранцы нового осеннего призыва из-за крайне медленной работы и периодических срывов поставок всё ещё не были как следует обмундированы. Положенных им по штату доспехов и вооружений хватало, а вот с одеждой постоянно возникали непонятки. И если я намерен был приумножать свою армию, то с этим бардаком надо было что-то делать.

На данный момент самым передовым оборудованием в этой области считались примитивнейшие ткацкие рамы с челноками. Нужно было срочно брать в свои руки создание более прогрессивных ткацких и прядильных машин. Но здесь, увы и ах, моих познаний было явно недостаточно. Я мог разве что подсказать своим мастерам только общие принципы работы текстильного оборудования.

Мыслительный процесс не мешал мне созерцать открывающиеся из возка зимние виды приближающегося Гнёздова. Перед глазами медленно проплывали занесённые снегом дома сильно разросшегося посада. И даже зимой здесь для всех тружеников всегда находилась работа – рабочие кирпичных заводов переквалифицировались в лесорубов и сейчас валили лес в дальних окрестностях города.

Встречали меня как обычно – местные бояре вперемешку с главами предприятий и полковниками. Но я приехал не один, а привёз с собой из Смоленска своих главных «инженеров».

Когда все разместились за совещательным столом, то для всех вызванных на эту планёрку мастеров была доведена цель сегодняшнего собрания – создание опытно-производственной ткацко-прядильной фабрики в Гнёздове.

– Первым делом, как только выстроим заводские корпуса, начнём производство на этой фабрике ножных прялок. В них нет ничего сложного. По мере изготовления эти прялки мы будем раздавать жёнам наших рабочих. Соберём их всех в отдельный барак, и пускай там прядут. Знакомые с прядильным делом бабы, работая с неумёхами под одной крышей, заодно научат всех этому ремеслу. Поставим этот барак рядом с портным, где обмундирование кроят и шьют.

Примитивная ножная самопрялка здесь и сейчас представляла собой самый настоящий средневековый хайтек. К прялочному аппарату планировалось присоединить педальный механизм, позволяющий освободить правую руку прядильщика от функции вращения рукояти колеса, что даёт возможность правой руке принимать непосредственное участие в операциях крутки и намотки. Эти усовершенствования в конечном итоге должны будут всерьёз повысить скорость и эффективность работы.

Но ножная самопрялка – это был только первый шаг, так сказать, для затравки. На ныне достигнутом техническом уровне её массовое производство не представляло для нас никакой сложности. А вот далее я принялся излагать всё, что помнил о механическом (самолётном) челноке, существенно ускорявшем очень трудоёмкую операцию при ткачестве – ручную прокидку челнока. В ещё более сложном ткацком оборудовании я ни грамма не разобрался и ничего о нём не помнил. Поэтому в конструировании более производительных станков нам могла помочь только логика и здравый смысл, более рассчитывать было не на что.

Назначив ответственных мастеров за развитие этого направления, создав из них нечто вроде конструкторского бюро, я с чувством выполненного долга завершил это производственное собрание.

Долгих сомнений в необходимости развития лёгкой промышленности я не испытывал. Одежда для человека – это насущная ежедневная потребность, спрос на неё всегда был, есть и будет. Поэтому текстильная промышленность, особенно в эти неизбалованные техническим прогрессом века, является краеугольным камнем экономик целого ряда передовых стран и территорий (Фландрия, Франция, Италия и другие), а изделия текстильной промышленности – основным продуктом европейского экспорта. Упускать из вида этот наиважнейший сектор лёгкой промышленности – значит добровольно обогащать европейцев, от испанских овцеводов до венецианских банкиров. Я был всё ещё в своём уме, чтобы выкладывать звонкую монету за чужой ширпотреб. Чтобы страна процветала и развивалась, необходимо ввозить в неё деньги посредством вывоза произведённых внутри неё товаров, и чем высокотехнологичней товар, тем лучше. В тринадцатом веке текстиль – высокотехнологичный товар, и ещё долго, целые столетия он им будет по-прежнему оставаться. И если на европейских рынках нас с нашим текстилем особенно никто не ждёт, то свой собственный, внутренний рынок можно и нужно заполнять без дорого обходящейся «помощи» извне. На том и стоять будем...

Глава 3

Пока не спал мороз и не разверзлись хляби земные и небесные, я успел провести военные учения с привлечением всех своих наличных воинских сил, максимально при этом задействовав артиллерию. Но снаряжать пушки в основном пришлось не пороховыми картузами, а муляжами с крупой – в целях экономии пороха, которого у нас и так практически не было. Массовый сбор с первых заложенных селитряниц был намечен на март месяц этого года. Но в манёврах на «поле боя» артиллерия, пусть и вхолостую, но отработывала по полной. Возможности единорогов командный состав и старослужащие себе хорошо представляли, ведь уже более полугода мы испытывали, так сказать, в индивидуальном порядке, все имеющиеся у нас калибры и типы орудий.

Чугунные трехфунтовые единороги передвигались и действовали в боевых порядках пехотных батальонов. Перемещали эту артиллерию в зависимости от расстояний передислокации войск на конной тяге или силами артрасчётов. Артиллерийский резерв состоял из двенадцатифунтовых бронзовых единорогов и располагался в середине боевого порядка. Он должен был, следуя приказам командования, быстро перемещаться, поэтому целиком перешёл в ведение конной артиллерии.

Пушкарский устав прямо регламентировал порядок расстановки артиллерии отдельными батареями или рассеянно среди войск в зависимости от ситуаций на поле боя – оборона, наступление, прикрытие, осада крепости. Он же прописывал и меры безопасности – зарядные ящики размещались по одному у каждого орудия не ближе двадцати-тридцати метров от него, остальные – на расстоянии свыше пятидесяти метров. Передки отводили в безопасное место, охрану артиллерии осуществляли те войсковые подразделения, к которым пушки были приписаны – от взводного уровня и выше.

Тем не менее в последний день учений показательные стрельбы для своих войск мы всё же устроили, отстреляв по целям из трехфунтового и двенадцатифунтового единорогов. Эти пушки стреляли на зарядах тринитроцеллюлозы, более известной как пироксилин. Бездымный порох получался из целлюлозы, обработанной серной и азотной кислотами. Он был в три-четыре раза сильнее классического дымного. Пироксилином же начинялись разрывные и шрапнельные бомбы. Но затык в налаживании массового производства пироксилина здесь опять же упирался в существующий у нас острый дефицит азотной кислоты.

Рекруты свежего осеннего набора ещё не видели нашу артиллерию в действии. На занятиях и учениях в Гнёздово всё больше обходились только имитационными стрельбами. Поэтому осеннее пополнение специально разместили поближе к единорогам, чтобы бойцы смогли получше прочувствовать на себе «царицу полей». И результат не задержал сказаться – от реальной пальбы из единорогов боевыми снарядами молодое пополнение оказалось впечатлено по полной программе, в отдельных случаях вплоть до недержания отходов жизнедеятельности человеческого организма.

В общем, последняя неделя зимы пролетела быстро, но самое главное – результативно и... весело!

* * *

С началом весны производство калиевой селитры – главного компонента пороха – развернулось сразу по двум направлениям.

С осени для этой цели стали использовать аммиачную воду. Её нагревали, выделяющийся газ проходил через осушительную колонку, заполненную каустической содой, которая улавли-

вала содержащийся в газе водяной пар. Далее аммиак проходил через раскалённую ржавчину, образовывались окислы азота, которые затем пропускали через раствор поташа, получая на выходе калиевую селитру.

А уже в начале марта стали вскрывать первые заложенные бурты, содержащие продукты жизнедеятельности (навоз, моча), останки животных, отходы скотобоев, донные отложения прудов, болотную жижу и другие, смешанные с известковыми почвами, с добавлением туда же извести, мусора, золы и отходов мыловарения.

«Селитрянную землю» выщелачивали (с добавлением золы, поташа, сульфата калия). Затем раствор упаривали в котлах с добавлением щёлочи, уксуса и переливали в чаны, где селитра выкристаллизовывалась. Потом обесцвечивали с помощью угля и очищали от примесей поваренной соли промыванием холодной водой.

Директором порохового завода, открывшегося в Гнёздово, стал Василь Клепик, раньше заведовавший закладкой буртов, а сейчас возглавивший пока ещё существующий неофициально, только в рамках моего личного бизнеса, Пороховой отдел, в рамках хозслужбы ГВУ. Штатная численность рабочих и мастеров предприятия составляла восемьдесят человек.

На заводе ингредиенты (селитра, сера, древесный уголь) смешивали и подвергали измельчению на «бегунах». Это были два спаренных жернова, установленных вертикально в круглом поддоне, причём горизонтальная ось жерновов крепилась на вертикальной вращающейся оси, так что они «бегали» по кругу, размалывая смесь в течение трёх-четырёх часов. Измельченная и смоченная водой смесь формовалась в «пороховую лепешку», которую затем подвергали грубому измельчению в решетках («грохотах») с помещёнными внутрь свинцовыми шарами. Полученный кусковой порох сушили в сушильных сараях с закрытыми печами. Затем его полировали, помещая во вращающуюся бочку, в которой зёрна пороха тёрлись друг о друга и приобретали тем самым твёрдую блестящую поверхность. После чего порох снова сушили и сортировали по величине зёрен с применением разных «грохотов», решета и сита. В результате получали два основных сорта пороха, различавшиеся по величине зёрен – пушечный и ружейный.

В самом конце первого весеннего месяца от Изяслава Мстиславича прибыл взмыленный гонец, что уже само по себе было необычно, так как раньше мы с князем поддерживали связь посредством почтовых голубей. Поэтому о складывающейся на юге ситуации я был неплохо информирован, что называется из первых рук.

В течение зимы развитие ситуации чем-то мне напоминало американские горки. Началось всё с того, что Михаил Черниговский в союзе с Изяславом Смоленским двинули свои войска на Киев. Владимир Рюрикович, князь киевский, сразу запросил помощи у своего естественного союзника (принцип «враг моего врага – мой друг» никто не отменял) Даниила Галицкого – давнего недруга Михаила.

Даниил быстро собрал многочисленные галицкие полки и пошёл на помощь киевскому князю, тем самым кардинальным образом изменив баланс сил. Принимать бой смоленский и черниговский князья не захотели, отведя свои силы на пополнение. Причём если Михаил отвёл свои войска к Чернигову, то Изяслав Мстиславич отошёл в степь, к родичам своей покойной жены, к половцам Котяна. Киевский и галицкий князья погнались за самым «жирным зайцем», двинулись вслед за Михаилом, в Черниговское княжество.

Михаил оказался тёртым калачом. Он не надеялся только на свою военную силу и при случае не гнушался действовать увещеваниями и золотом. В стане противника Михаил Всеволодич сумел подкупить многих бояр, тем самым внеся смуту в ряды галицко-волинского и киевского войска. А затем, орудуя через подкупленных бояр, сумел и вовсе расколоть противостоящую ему коалицию князей, вынудив их действовать обособленно друг от друга. И вскоре этим обстоятельством воспользовался по полной программе, поочерёдно обрушивая все свои

собранные силы то на Даниила Галицкого, игнорируя Владимира Киевского, то наоборот. В итоге истрепанные в боях галицко-волынские и киевские полки вынуждены были отступить.

Но на сей раз гонец привёз настоящую «бомбу». Грамота, написанная Изяславом Мстиславичем, начиналась интригующе: «КНЯЗЬ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ ИЗЯСЛАВ IV, СЫН МСТИСЛАВА РОМАНОВИЧА».

«Да-а-а!!! Дела-а-а!!!» – подумалось мне, а присутствующие рядом ближники в один голос охнули и радостно что-то закричали.

Тишину Перемога устанавливал несколько минут. Послание было полностью зачитано. Дополнительно расспросили гонца. И вот что получалось...

При отступлении к Киеву галицко-киевские союзники обнаружили в окрестностях столицы половцев, призванных Изяславом Мстиславичем. Даниил уже хотел было отвести свои утомлённые и потрепанные войска в Галицкое княжество, пользуясь лесными тропами, но дал себя уговорить Владимиру Рюриковичу и волынскому воеводе Мирославу повернуть свои полки в степь, против окопавшегося в половецком стане Изяслава Мстиславича. Полки, состоящие из галицких ополченцев, роптали, не желая идти в степь, но всё же Даниил смог их убедить, мотивируя их начавшимися нападениями половцев на собственно галицко-волынские земли (разъезды половцев были замечены у Звенигорода).

У Торческа сошлись галицко-киевские полки с союзными Изяславу Мстиславичу половцами. Произошла лютая сеча. Войска Владимира и Даниила были полностью разгромлены и рассеяны превосходящими силами половцев. Отличились и галицкие бояре-предатели, перешедшие на сторону Михаила, они, по сути, сдали в плен половцам Владимира Рюриковича и волынского воеводу Мирослава.

Даниил всё же сумел вырваться из сечи и ушёл в Галич. Но в его родном городе уже созрел боярский заговор. Подзуженные Михаилом Черниговским галицкие бояре пошли на обман с целью выдворить из Галича брата Даниила – Василько. Волынский князь стоял в Галиче со своим волынским полком. Бояре прислали ложное донесение о том, что половцы двигаются к столице Василько – Владимиру-Волынскому. Брат Даниила поверил этому донесению и немедленно увёл свой полк. Таким образом оставив вернувшегося брата, лишившегося большей части своей дружины, один на один с боярской фрондой. А галицкие бояре просто и без лишних затей предложили Даниилу тихо-мирно покинуть Галич. Лишённый военной силы князь предпочёл не искушать судьбу и отправился искать поддержку к уграм.

В Венгрии после смерти короля-крестоносца Андрея II Даниил мог ожидать от нового короля Белы IV смены внешнеполитического курса королевства, поддерживавшего ранее черниговского князя.

А галицкие бояре, не теряя времени даром, сразу позвали к себе на опустевший Галицкий стол все того же черниговского князя Михаила.

Полный разгром у Торческа киевского войска, пленение князя Владимира Рюриковича – все вместе эти обстоятельства позволили Изяславу Мстиславичу практически беспрепятственно, даже не применяя пороха, занять беззащитную древнюю столицу. Киевляне испугались не малочисленной дружины князя, их устроили его многочисленные половецкие союзники, вкуче с подошедшими войсками Михаила.

Сами половцы преследовали в этом конфликте сугубо меркантильные интересы – это прежде всего, разграбление киевских земель и получение выкупа за пленённого ими Владимира Рюриковича.

Киевляне недолго держали осаду, вынужденно подчинившись «тройственному союзу». Однако, прежде чем открыть ворота, сумели выторговать у Изяслава Мстиславича приемлемые для себя условия сдачи города. А от половцев, к их полному удовлетворению, откупились деньгами.

Резюмируя сказанное, к весне 1235 года оба князя-союзника, Даниил и Владимир, утратили свои столы – Галич и Киев. К тому же Владимир Рюрикович потерял не только стол, но и лишился свободы. Вместе с женой и малолетними детьми его увезли в степь. Изяслав Мстиславич Смоленский, сын великого князя Мстислава Романовича Старого, сел в Киеве. А Михаил Всеволодич, сохраняя за собой Чернигов, после ухода Даниила был приглашён горожанами в Галич, где и утвердился, превратившись, таким образом, в самого влиятельного правителя Юга Руси.

В самом конце грамотки Изяслав Мстиславич просил меня сразу, как только вскроется Днепр, прислать ему один из моих пехотных полков. Маловато у него под рукой было сил для надёжного удержания Киева. А сам князь, оставив в городе мой полк, с большей частью дружины собирался отбыть в противоположном направлении – в Смоленск, чтобы помочь мне здесь утвердиться.

После недолгих раздумий и споров собственной совести с душившей её «жабой» я сам для себя, с неохотой, но всё же решил выполнить его просьбу. Сил контролировать Смоленск у меня и так останется более чем достаточно, просто войска нового строя в Киеве не хотелось раньше времени светить. Но тут уж ничего не поделаешь, придётся уважить родителя.

Удалив все лишние уши, я остался наедине со своим бывшим наставником. Внимательно перечитав послание ещё раз, я поинтересовался у Перемоги, отчего так бояре галицкие не любят Даниила, зато с лёгкостью признали над собой, в лице Михаила Всеволодича, по сути, власть Чернигова?

Из долгого и сбивчивого рассказа дядьки, сдобренного массой примеров и дилетантскими рассуждениями, я сумел сделать для себя определённые выводы. Оказывается, что всё дело, как обычно, кроется в деньгах.

Если в словах Перемоги оставить лишь выжимки из сухих фактов, то они свидетельствовали о том, что враждебные Галичу Чернигов или Киев автоматически сильно ухудшали экономическое положение Галицкого княжества, разрывая сложившийся торговый путь между Западом и Востоком. А вся мощь и процветание Галича образовались именно благодаря нахождению города на этой широтной коммерческой «магистрале», связывающей через Чернигов и Киев богатый Восток с Венгрией, Малой Польшей и другими странами Запада. Поэтому навязываемый князьями Романовичами союз с Волынью себя не окупал. Бедная северная торговля с Мазовией и нищей Литвой просто по определению никак не могла заменить собой богатый широтный путь Восток – Запад.

Поэтому власть волынского князя Галич признавал лишь под давлением военной силы. Да и делалось это лишь при соблюдении обязательного условия – сохранения торговых путей в западном и восточном направлениях. А при противоборстве с Черниговом эти условия были невыполнимы, что в конечном итоге вылилось в недовольство и в бунты среди галичан. Поэтому-то галичане при первой подвернувшейся возможности сразу освободились от Романовичей и призвали к себе черниговского князя – единственного правителя, который мог бы обеспечить бесперебойную работу такого важного коммерческого маршрута. Всё сложное на первый взгляд оказалось простым на проверку.

Не знаю, откуда именно, но вести о последних событиях в Киеве со скоростью верхового пожара уже расплзлись по городу, и потому секретить послание дальше не было никакого смысла. Да я, в общем-то, и не собирался этого делать. Скрыть такие известия просто априори невозможно, ведь Киев находился не на Луне, а стоял вместе со Смоленском на берегах одной и той же реки.

На следующий день грамота была зачитана собравшимся по такому случаю боярам, а затем и горожанам на вече. К счастью, моя потаённая тревога, что немедленно поднимут вопрос об избрании нового князя, не оправдалась. Пока, по крайней мере. Но то, что этот

вопрос в ближайшие дни, а может, и часы, возникнет на повестке дня, я, что называется, копчиком чувствовал.

Вечером того же дня в Свирском тереме я распорядился устроить пир по случаю занятия Изяславом Мстиславичем киевского престола. Ещё засветло на это празднество стали съезжаться не только думцы, но и все остальные мои компаньоны, не входящие в состав Думы, гнездовские командиры тоже были приглашены на это застолье.

Разодетые в шубы бояре, красуясь друг перед другом, входили в гридницу, преобразившуюся в огромный пиршественный зал. Прежде чем усесться на лавку, они с достоинством кланялись, пристраивались за стол, стараясь при этом занять место поближе ко мне. Припёршегося епископа, много о себе мнящего, пришлось приветствовать отдельно, традиционным способом – целованием руки, чувствуя себя при этом начинающим мужеложцем. Ну никакой святости в этом человеке не было ни на грамм! Все эти ритуальные пляски вокруг него вызывали у меня лишь отвращение и ещё больше усиливали мою неприязнь!

Слуги стали подавать с пылу с жару мясные и рыбные блюда в серебряной посуде, расставляя их на огромном П-образном столе. Среди жаркого возвышались зеленоватые стеклянные бутылки выделки Заройского стеклоделательно-зеркального предприятия с водкой, стоялым мёдом, вином и квасом.

Пили из стеклянных бокалов. Первый тост, как и положено, подняли за нового князя киевского. Второй выпили за смоленского князя-наместника. Третий – за дорогих гостей. А потом понеслось-поехало. Гости наливали себе из бутылок и пили кто, что и когда хотел со здравницами и без оных. Ели мясо с рыбой, кидая под стол кости и объедки, а лоснящиеся от жира руки и бороды вытирали о скатерти.

Многие из присутствующих налегали на водку, а потому быстро начались весёлые хмельные разговоры. Перебивая друг друга, бояре заверяли меня в своей вечной любви. Все как один были настроены решительно поддержать кандидатуру молодого наместника при избрании нового смоленского князя.

– При тебе, князь, словно врата рая раскрылись, – говорил заплетающимся языком боярин Есиф Симеонович, – милости неисчислимы на нас, грешных, просыпались!

– Да! Да! – поддержали выступающего сразу несколько глоток.

– Щедр наш князь и милостив до нас без меры, – снизошёл до комплимента в мой адрес крупнейший смоленский землевладелец Жирослав Олексич. – Вот мне недавно даровал угодьё по реке Сож.

– А у меня все сёла ульями князя нашего заставлены! – подал голос доверенный боярин Изяслава Мстиславича Дмитр Ходыкин.

– А торговля как в рост пошла с этими латунными монетами! Теперь смерды нам и меха, и воск за них продают, – восхищённо вторил хвалебным одам Терентий Луготич, смоленский купец и таможенник в одном лице.

– Несть числа твоим милостям, Владимир Изяславич! Немцы даже своё серебро на латунь у нас меняют! – не удержался от дифирамбов и купец Фёдор Волковников.

– И не только немцы, в других городах латунные монеты тоже мало-помалу в оборот входят, – заявил Юрий Захарьевич, глава совета директоров РостДома, да так важно, как будто это была его личная заслуга.

– Без вас, господа бояре, ничего бы этого не было! Вы – соль русской земли и становой хребет нашего княжества! Опора и подмога смоленскому князю! – льстил я в ответ.

От этих слов некоторые расчувствовавшиеся бояре чуть ли не со слезами на глазах полезли целовать мою руку.

– Ну, хватит, Пантелей Братонежнич, – пытался отстранить руку от конецкого старосты Ильинского конца. – Давайте выпьем за боярина Пантелея Братонежничка! Золотой он человек. И за посадника Артемия Астафьевича тоже выпьем, за верную его службу!

– Спасибо на добром слове, князь-батюшка!

– Уважили вы меня, бояре! Спасибо всем вам, что за меня стоите!

Потом заявили гуслиеры, начав перепевать песни «моего сочинительства», а скоморохи дёргались на импровизированной сцене между столами.

Спиртное полилось в боярские глотки с ещё большей силой. Ближе к утру многие свалились под стол, кто-то храпел, упав лицами в енды, другие разбрелись по теремным закуткам.

Когда рассвело, бояр из теремных хором начали выволакивать приехавшие за ними их собственные слуги. Мои же челядинники, заранее проинструктированные, выдавали с наилучшими пожеланиями каждому покидающему застолье боярину «джентльменский набор» для опохмела.

А спустя двое суток в Смоленск нагрянул дорогобужский князь с лживой улыбкой, но с постной физиономией. Второй претендент на смоленский престол, кричевский князь, по слухам, болел и не вставал с постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.